

Рай

Николь Джордан

Повелитель соблазна

2004

Джордан Н.

Повелитель соблазна / Н. Джордан — 2004 — (Рай)

Юная Каро Иверс, выросшая на солнечном средиземноморском островке Кирена, с первого взгляда полюбила блестящего английского офицера Макса Лейтона, приехавшего на Кирену, чтобы залечить раны после войны с Наполеоном. Однако судьба подарила ей лишь одну прекрасную ночь любви, а потом наступили годы разлуки... Теперь Макс решил вернуться на остров и любой ценой отыскать единственную женщину, которую так и не сумел забыть. Почему же Каро не желает этой встречи и бежит от того, кого по-прежнему любит со всей силой истинной страсти?..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	26
Глава 3	35
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николь Джордан

Повелитель соблазна

Пролог

*Остров Кирена
Август 1813 года*

Руины в лунном свете казались развалинами волшебного замка. Небольшие серебристые бассейны, чуть колеблясь, переливались таинственными зеркалами среди ночных теней, питаемые горячим источником, неторопливо ниспадающим каскадом по выбитым в граните ступенькам террасы – древним остаткам римской бани. И все же поразительное зрелище на этот раз не успокоило Каро Иверс. Наоборот, напряжение, подогретое досадой и нетерпением, только усиливалось по мере того, как она подъезжала ближе.

Остановившись у подножия террасы, Каро соскользнула со спины своей покладистой кобылы. За восточным гребнем скалы простиралось сверкающее Средиземное море, спокойное и безмятежное под ярким диском луны. Пейзаж был поистине великолепным, поражающим воображение даже здесь, на острове, известном своей необычайной красотой. Но сегодня эти тишина и спокойствие, казалось, резко противоречили ее тревожному состоянию.

Она нервничала, как семнадцатилетняя девушка, сбежавшая на тайное свидание к возлюбленному. Что, разумеется, было, совершенной чепухой. Майор вовсе не ее любовник, какие бы дурацкие фантазии ни рисовало разгулявшееся воображение. Она вообще сомневалась, что он придет.

Не зная, чем занять руки, Каро нагнулась, сорвала цветок хрупкой белой орхидеи, после чего оставила лошадь пастись среди травы и папоротников, растущих в трещинах между камнями, а сама направилась к баням. Свежий соленый ветерок теребил ее муслиновые юбки, принося запах жимолости, выщепя по древним развалинам, и сосны, которой поросли склоны гор. Хотя ночь была в самом разгаре, булыжники под ее босыми пятками все еще хранили тепло летнего солнца. Каро стала взбираться по высеченным в скале ступенькам, служившим людям целую тысячу лет.

Когда она проходила под высокой аркой портала, сердце дрогнуло и куда-то покатилося. Над ее головой, у обнесенной перилами стены, стоял человек, глядя вдаль, на безбрежное, пересеченное серебристой лунной дорожкой море.

Майор Максвелл Лейтон.

Она узнала его сразу же, хотя встретила впервые всего три дня назад. Не многие жители острова были так же высоки, широкоплечи и мускулисты и обладали столь властной осанкой. И ничей взгляд не действовал на нее сильнее, чем вызывающий взор этих синих глаз.

С самого прибытия майора на остров с миссией милосердия она проводила с ним почти все время, сражаясь в отчаянной битве за жизнь умирающего.

Но сегодня он пришел, с облегчением отметила Каро. Наверняка собрался искупаться. Он уже снял сапоги и короткий голубой гусарский мундир, оставшись в бриджах и белой сорочке.

Выпрямившись, он неожиданно оглянулся, и она вдруг застеснялась своего вида: истрепанные юбки старого, поношенного платья колыхались вокруг голых ног, каштановые кудри рассыпались по плечам густой буйной гривой. Прикусив губу, Каро старалась не выдать своего смущения. Но по щекам полз предательский румянец.

– Не жалеете, что я вторгся в ваше убежище? – тихо спросил он.

«Не знаю... может, и жалею...»

Она часто приходила к римским развалинам искупаться в бассейнах, особенно когда еле волочила ноги и с трудом двигалась после очередного тренировочного поединка на шпагах. И крайне редко позволяла кому-то нарушать свое одиночество. Но после нескольких изнурительных дней ухода за больным майор тоже нуждался в покое и красоте руин, чтобы снять усталость. Нуждался в целебном воздействии чудотворных вод. Как и она сама.

– Я не считаю ваше присутствие вторжением, – искренне ответила она. – Кроме того, я сама просила вас прийти.

Каро, взобравшись наверх, встала рядом с ним у осыпающейся каменной стены. Сердце билось все быстрее просто от его близости.

Поразительно, как ее тело отзывается на него! Она никогда не испытывала столь примитивной реакции на мужчину. Правда, в легендах говорилось, что остров Кирена обладает мистической способностью возбуждать любовь и обольщать чувства, но до сих пор она считала себя неподвластной чарам. Да, ничего не скажешь, Максвелл Лейтон – поразительно красивый мужчина, таких ей редко приходилось встречать: темно-синие глаза, точеные черты лица и волосы цвета воронова крыла. Но среди ее знакомых мужчин были и те, которых по праву можно считать неотразимыми. И поклонников у нее было немало.

Однако эти поклонники крайне редко возбуждали в ней столь сильные чувства. Вот уже три дня Каро пыталась подавить неистовое влечение к майору Лейтону, а заодно и эмоциональные эмоции, столь для нее нехарактерные.

И больше всего тревожили жар и страсть в его глазах: одним взглядом он пробуждал в ее крови безумные желания, от которых перехватывало горло.

Усилив волю, вынуждая себя успокоиться, Каро пристально всмотрелась в сверкающую даль моря и вслушалась в тихий шепот волн далеко внизу, набегавших на берег вечным неустанным прибоем.

– Надеюсь, Йейтс спокойно спит? – прервала она, наконец, молчание.

– Да, слава Богу, – кивнул майор. – Впервые за много недель он обрел некое подобие покоя.

Лейтенант Джон Йейтс потерял ногу в Испании во время последнего ожесточенного сражения с наполеоновскими войсками, и рана никак не заживала. Бедняга слабел день ото дня, метался в жару и умолял командира отвезти его домой на остров. Но во время путешествия открытая рана загноилась.

Не в силах покинуть умирающего лейтенанта, майор Лейтон отказался уехать, ожидая конца, который, к счастью, так и не настал. Состояние молодого человека, каким-то чудом улучшилось сегодня утром; лихорадка спала, и врач объявил, что все, возможно, обойдется.

– Я невыразимо благодарен вам, – пробормотал майор. – Именно вы спасли жизнь Йейтсу.

– О, вовсе не я, – скромно покачала головой Каро. – Доктор Алленби – превосходный врач, а я всего лишь помогла.

– Но именно вы сутками сидели у его постели.

Она действительно преданно ухаживала за лейтенантом, потому что у местного доктора было очень много пациентов. Но и майор Лейтон сыграл в выздоровлении Йейтса жизненно важную роль: подменял ее при необходимости, послушно и без жалоб выполняя любую самую грязную работу, придерживал метавшегося в бреду лейтенанта, пока она накладывала на рану мази и бальзамы, вливала в его горло омерзительно вонючие зелья и накладывала холодные компрессы на его горящий лоб.

– Йейтс жив, – настаивал Лейтон, – потому что вы не дали ему умереть. Думаю, что его спасла исключительно ваша сила воли.

Каро чувствовала себя польщенной его похвалой.

– Что же... я славлюсь своим упрямством.

Лейтон ответил легкой улыбкой. Она никогда не видела, как он улыбается, и у нее от восторга сжалось сердце. Все же ее влекла к нему не столько его истинно мужская привлекательность, сколько неподдельная тревога Лейтона за раненого подчиненного.

Во время долгих мрачных часов их тяжелого испытания они стали ближе друг другу. Теперь их трудно было назвать чужими людьми: слишком многое пришлось испытать вместе: страх, отчаяние, надежду и, наконец, бесконечное облегчение. Отвоеванная победа стала почти неразрывной связью между ними.

И поэтому она так сильно жалела, что завтра он уезжает.

– Думаю, вы чересчур меня превозносите, – покачала головой Каро. – Если верить Джону, именно вы спасли его жизнь, отведя сабельный удар.

– И все же его вообще не ранили бы, не заслони он меня собой. Я в огромном долгу перед ним. И перед вами тоже, – вырвалось у него с такой силой, что Каро невольно повернула голову. И увидела, как пристально смотрит на нее майор. Темно-синие глаза под густыми ресницами пристально изучали ее. Внезапный жар разлился по телу Каро, жадно первобытный и откровенно чувственный.

Она поспешно отвела взгляд. Подобные желания – просто глупость. Весьма сомнительно, что она способна привлечь этого божественного красавца. Разумеется, она неплоха собой, но вряд ли после проведенных вместе дней он посчитает ее достойной своего внимания.

Трудно его за это осуждать. Хорошо воспитанные благородные леди не имеют дела с гноем, кровью и умирающими и находят другие, более женственные занятия, чем ассистировать местному доктору при хирургических операциях и лечении мужчин, не находящихся с ней в родстве. Ни одна леди не колесит по всей Европе с опасными заданиями и уж тем более не пускает в ход оружие, защищая правое дело в попытке искоренить зло и тиранию.

Но она не похожа на большинство хорошо воспитанных благородных леди. Ее природный дар исцеления словно провел невидимую границу между ней и обществом, а тайное призвание окончательно поставило ее в положение отверженной. Она была «хранителем», членом тайного общества защитников, поклявшихся следовать древним идеалам, которые в незапамятные времена исповедовал легендарный вождь.

Но вряд ли стоит обсуждать свою карьеру с чужаком, а тем более с майором Лейтоном, который завтра покинет Кирену и, скорее всего никогда не вернется.

При мысли об этом тоска еще сильнее обуяла Каро. Ясно одно: она никогда его не забудет... хотя всей душой противилась этому.

Максвелл Лейтон заставил ее мечтать о вещах, которые, как она долго убеждала себя, ей не нужны и не важны. В зрелом двадцатичетырехлетнем возрасте она добровольно отказалась от всего, что считалось важным для женщины: брак, дети, муж... даже любовники.

Любовники...

Грудь Каро стиснуло болью...

Может, в самых безумных фантазиях она и грезила о том, каково это – испытать физическую любовь мужчины, но майор вряд ли изберет ее своей возлюбленной. После долгого совместного сражения за жизнь лейтенанта он скорее считал ее товарищем по оружию, чем предметом желания.

– Вы по-прежнему будете ухаживать за Йейтсом? – взволнованно спросил он.

– Разумеется, – вздохнула она. – Не стоит беспокоиться, майор. Теперь он вне опасности и со временем окончательно излечится.

– Но навсегда останется калекой.

Лейтон закрыл глаза и слегка вздрогнул.

Ей казалось понятным его отчаяние. Он чувствовал себя ответственным за самопожертвование лейтенанта. И очевидно, сам страдал от ужасных последствий войны. Правда, он не был ранен, как его подчиненный. Но после восьмилетней службы в кавалерии невидимые раны

наверняка кровоточили до сих пор. Его эмоциональная боль была ощутимой. Во время их ночных бдений у ложа умирающего она видела его измученные глаза. Понимала, с какими душевными демонами ему приходится бороться. Закаленный в битвах солдат, уставший от смерти и разрушений.

Она хотела помочь ему, хоть как-то утешить, но не представляла, что делать. Это не физическая рана, которую можно исцелить настоями и мазями.

– Лейтенант говорит, что вы герой, – выдохнула она, наконец.

Лейтон презрительно фыркнул.

– Ах, если бы вы только знали! – буркнул он, брезгливо оглядывая свои руки, словно они все еще были запятнаны кровью. – Вы целительница, а я только и могу, что отнимать жизни. И я боюсь даже вспомнить тех бесчисленных бедняг, которые воевали и погибли под моим командованием. Или... друзей, которых я потерял.

– Лучше подумайте о бесчисленных жизнях, которые вы спасли!

– В этом-то и весь ужас, – мрачно пробормотал он. – Я не смог их спасти.

Сердце снова пронзила игла боли. Ему не нужно объяснять свои чувства. Он считал, что виноват перед погибшими хотя бы уже потому, что выжил.

Она сама, как целительница, временами вела такие же битвы, пытаясь бросить вызов старухе с косой. И слишком часто оказывалась побежденной.

– Нельзя обвинять себя в безумствах войн, майор, – тихо заметила Каро, мягко кладя руку ему на плечо. – Каждый из нас может всего лишь пытаться исполнить свой долг. Поверьте, необходимо необычайное мужество, чтобы, как вы, день за днем видеть смерть лицом к лицу. Но я и все наши соотечественники искренне благодарны вам и другим отважным людям вроде вас, которые пытаются спасти мир от узурпатора.

Майор долго молчал. Просто смотрел на нее, словно стараясь запечатлеть в памяти черты ее лица. Глаза казались темными и бездонными, как сама ночь.

– Ангел милосердия, – выговорил он, наконец. – Вы всегда стараетесь утешить полуживых людей?

Каро снова залилась краской.

– Кажется, да. Как вы сказали, я целительница. И не могу видеть чужих страданий.

– Вам кажется, что я страдаю?

– А разве нет? – тихо спросила она. Лейтон хрипло рассмеялся:

– Вы чертовски проникательны.

Стараясь сменить тему разговора и отвлечь его внимание от своей персоны, она ответила вопросом:

– Вам обязательно нужно ехать завтра? Может, вы согласитесь еще немного побыть на Кирене?

– Признаю, мысль весьма соблазнительная, – кивнул он, поворачивая голову сначала налево, где к северу от острова лежала Франция, а потом направо, в сторону Испании, где тянулась бесконечная кровавая война на Пиренейском полуострове.

– Я совсем не рвусь обратно, в эту жестокую бойню. Не могу спокойно наблюдать, как мои люди становятся пушечным мясом, – объяснил он и, покачав головой, добавил: – Но они во мне нуждаются. Я не могу их предать.

– Но немного отдыха вам не помешает. Пока лейтенант был в критическом состоянии, вы не имели ни малейшей возможности насладиться миром и покоем нашего маленького острова. Уверю, это настоящий бальзам для души.

– Хотите сказать, что ваш остров пронизан некоей особой магией?

– Никакой магии. Но солнце, свежий воздух и море обладают способностью исцелять израненные души. Согласно древней легенде, сам Аполлон зачаровал его, чтобы создать рай для влюбленных.

– Я никогда не верил в существование такой вещи, как чары.

– Я тоже, – согласилась Каро.

Но чары или нет, а Кирена – настоящая обитель красоты, где море отликает лазурью, склоны гор залиты солнцем, а под голубым небом золотятся долины. Остров и, правда имел силу успокаивать измученные нервы, излечивать горькие душевные раны и даже глубочайшую скорбь. Поэтому Каро и попросила майора прийти сегодня к римским развалинам.

Лейтон оглядел живописные руины и сверкающие, расположенные на разных уровнях бассейны.

– В этом месте действительно должно царить волшебство.

Его тревожащий взгляд снова устремился на нее. Последовало долгое молчание.

И тут он медленно протянул руку, приподнял ее волосы и нежно обхватил ладонью затылок. Каро задохнулась, когда он уставился на ее губы, приопустив длинные густые ресницы. Сердце бешено заколотилось. Ни один мужчина еще не смотрел на нее вот так... с желанием. Неужели он действительно может ее желать?

– Майор Лейтон...

– Меня зовут Макс.

Ей показалось, что он вознамерился поцеловать ее, но вместо этого он накрыл ее руку своей, нечаянно раздавив зажатый в пальцах цветок орхидеи. Осторожно взял у нее смятый цветок и поднес к ее щеке, проведя нежными лепестками по губам.

Каро стояла, не в силах пошевелиться. Могла только смотреть на него.

– Я нуждаюсь в исцелении, милая Каро. Ты можешь излечить меня?

Ее сердце, казалось, вот-вот разорвется. Похоже, он просит чего-то большего, чем простое утешение. А она страстно хотела дать ему это утешение...

Он неожиданно вздрогнул, словно просыпаясь, и, пробормотав ругательство, поспешно отступил.

– Простите. Я пришел сюда не для того, чтобы обольстить вас.

Каро почему-то стало грустно и одиноко. Одно его прикосновение до глубины души потрясло ее. Может, Лейтон действительно хотел поцеловать ее, но вспомнил, что он офицер и джентльмен. Благородный человек не захочет воспользоваться уединением.

«Но что, если я хочу этого обольщения?» – Непрошенная мысль застала ее врасплох.

– Мой приход сюда был ошибкой, – тихо признался он, пытаясь отвернуться.

Каро с тревогой воззрилась на него.

– Нет! Пожалуйста, не уходите! – вырвалось у нее. Невыносимо думать, что он оставит ее и уйдет! – Вы даже не искупались! И я обещала показать вам приемы массажа!

– Но я не хотел бы затруднять вас.

– О, что вы, я буду только рада. И вам необходим массаж, майор, вы сами это знаете.

Должно быть, он расслышал мольбу в ее голосе, но все же нерешительно пробормотал:

– Наверное, это не слишком удобно.

Каро, стараясь казаться спокойной, с притворной строгостью объявила:

– У меня куда больше опыта в медицине, чем у вас, майор. Вам необходимо последовать моему совету.

Тени в его глазах словно растворились, и их место заняли веселые искорки.

– А иначе что будет? Вы силой заставите меня покориться, как в свое время беднягу Йейтса?

– Совершенно верно. У меня много способов справляться с капризными пациентами, и при необходимости я без колебаний воспользуюсь ими.

– Ваши угрозы звучат поистине устрашающе. Ладно. Так и быть.

Он стянул сорочку и бросил у каменной ограды. Пульс Каро немедленно участился, стоило ей увидеть его мощный, перевитый мышцами торс.

– В каком бассейне я помещусь?

– Вон тот, в середине, – самый глубокий и самый теплый. Там приятнее всего, несмотря на то что ночь отнюдь не дышит прохладой.

– Намереваетесь присоединиться ко мне? Ее колебание длилось всего краткий миг.

– Да. Массаж более эффективен в сочетании с горячей водой.

Он картинно пожал плечами и принялся разминать их, словно пытаясь облегчить боль.

– Я отдал бы год жизни, если бы вы сумели хоть ненадолго облегчить мои недуги. –

Повернувшись, он направился к среднему бассейну. – Вы говорили, что доктор Алленби иногда использует методы восточных целителей. Этот массаж – часть восточной философии? Вы постоянно массирували конечности Йейтса, чтобы обеспечить приток крови и облегчить боль.

– Да, – кивнула Каро. – Восточная медицина во многом полагается на исцеляющую силу прикосновения.

Майор без дальнейших слов снял бриджи.

Она изучала анатомию человека. Множество раз видела обнаженных мужчин. Но все это были либо трупы, либо больные или искалеченные пациенты. А в этом человеке не было ничего хилого или болезненного. Он походил на греческого бога: длинноногий и идеально сложенный. Все его тело дышало дикой, примитивной красотой. Серебристый свет подчеркивал каждую бугристую мышцу его широких плеч, могучей спины, узкой талии, тугих ягодиц, мускулистых бедер наездника...

И она снова потеряла способность мыслить, пораженная его великолепной наготой. И вдруг поняла, что он, вероятнее всего, считает ее опытной женщиной, имевшей немало любовников. Женщина, избравшая столь необычное призвание, по его мнению, должна разбираться в мужчинах и тонкостях любовных игр. В армии единственными женщинами, помогавшими докторам лечить раненых, были обозные потаскухи.

Он опустился в воду. Дно бассейна было покатым, как в шезлонге, и он лег на спину, так что вода доходила до середины груди. На секунду, прикрыв глаза, он блаженно вздохнул, когда горячая вода омыла его.

– Вы были правы, – пробормотал он. – Это рай. Последовавшее за этим молчание возымело неприятное воздействие на Каро. Напряжение вернулось с новой силой.

Теперь она понимала, что просто не способна оставаться профессионально безразличной к Максиму Лейтону, как к любому другому пациенту. Как ей могло прийти в голову, что она сможет относиться к нему, как ко всем остальным?!

– Вы идете?

Она осознала, что он ждет ее. Наблюдает.

И Каро вдруг словно громом поразило. Все это время она лгала себе! Воображала, что убедила его прийти сюда из чистого сострадания. Только потому, что ему было плохо, а она никогда не могла отвернуться от чужих страданий.

Но не надеялась ли она втайне на нечто большее?

Она слышала, как стук ее сердца почти заглушает тихий звон цикад в теплой ночи, и гадала, успел ли майор заметить ее смятение.

Неужели это и есть ее шанс наконец-то удовлетворить свои безумные желания, лихорадочные фантазии? Много долгих лет она держала их в узде, решив прожить жизнь без страсти, остаться старой девой по собственному желанию. Но сегодня это может измениться...

– Каро?

На этот зов она откликнулась, словно притягиваемая неодолимой силой. Помедлила на краю бассейна и после минутного колебания позволила платью упасть у своих ног.

Стоило ей войти в воду, как батистовая рубашка вздулась пузырем вокруг бедер. Тепло ласкало ее тело, пока она шла к нему. Но жар во взгляде Лейтона вызвал озноб предвкушения. Раскрасневшаяся и разом ослабевшая, она вся дрожала.

К тому времени, как они оказались рядом, у Каро голова шла кругом, и все же она старалась не выдать себя и говорить ровно и тихо:

– Повернитесь спиной.

Он оттолкнулся от стены и послушно выполнил приказ. Встав на колени позади него, Каро подняла руки и осторожно положила пальцы на его плечи. Даже при первом прикосновении чувствовалась невероятная напряженность мышц.

– Закройте глаза, – мягко приказала она, принимаясь массировать легкими движениями, выводя кончиками пальцев крошечные кружки. Плоть под его кожей была тверда, как дерево, шейные сухожилия натянуты подобно тетиве лука. Его тело представляло собой один огромный узел: вне всякого сомнения, следствие невероятных физических усилий и стараний держат в душе тяжкие переживания и мрачные эмоции.

– Попробуйте расслабиться и почувствовать мое прикосновение, – пробормотала Каро. – Позвольте теплу вас успокоить.

Он с громким вздохом капитулировал, и она с энтузиазмом принялась за работу, разминая скованные напряжением мускулы плеч. Большие пальцы глубоко вонзались в неподатливые узлы. Когда она дошла до самого болезненного места, он протестующе выгнулся, но не издал ни звука.

Она постепенно смещалась ниже, работая над скользкой мокрой кожей спины. И замерла, когда большой палец наткнулся на длинный шрам возле правой лопатки.

– Что это?

– Пуля задела.

Каро встревожено нахмурилась, вспомнив об опасной жизни военного, но все же продолжала медленно разминать его спину, нажимала на нее нижней частью ладоней, не пропуская ни единого клочка кожи, то и дело, задевая за очередной полученный в бою шрам. Наконец ей удалось немного размягнуть сведенные мышцы, хотя тело расслабилось не так сильно, как она надеялась. И что всего хуже, в ее собственном теле тоже нарастало напряжение. Влажная плоть под ее пальцами показалась ей обжигающе горячей.

Внезапно оставив его спину, она снова перешла к шее. Он тихо застонал от боли и удовольствия, когда ее пальцы осторожно погрузились в сухожилия. Еще минута, и она зарылась руками в его смоляные волосы, оказавшиеся на ощупь мягкими и шелковистыми, прежде чем начать массировать его голову. Он снова вздохнул, на этот раз от чистого удовольствия, и этот звук, в свою очередь, наполнил ее радостью. И не только. Внизу живота сгущались красноречивая тяжесть. Плеск воды казался маняще-соблазнительным, серебряная тишина ночи – нереальной, как во сне.

Испытывал ли он те же первобытные чувства, которые обуревали Каро?

Ее руки медленно скользнули вниз, по спине Макса, ладони мяли теплую кожу, выпуклые мышцы. Должно быть, он понял, что ее прикосновения стали другими, потому что она ощутила, как напряглось его тело под ее невольными ласками. И все же не могла остановиться. Большой палец сам собой лег на пулевой шрам. Она позволила себе немного задержаться, растирая неровную складку, словно жалея, что не смогла уберечь его от боли. Но тут неожиданно для себя, что-то сочувственно бормоча, прижалась губами к изуродованной плоти. И осознала, что он мгновенно застыл. Почувствовала его нерешительность.

Под его взглядом ее сердце лихорадочно забилося где-то в горле. Она забыла о своей миссии целительницы. Теперь она просто женщина. И расплавленная лава его взгляда только обостряла безумные порывы, бушующие в ней. Не выпуская Каро из плена своих глаз, он поднял руку, чтобы коснуться ее щеки.

– Ты, должно быть, нечто вроде сна... прелестная игра моего воображения. Но если я сплю, лучше не просыпаться. Пусть это длится вечно...

– Вы правы. Я тоже не хочу просыпаться, – едва слышно прошептала она.

Он привлек ее ближе, так что теперь она прижималась к нему всем телом, и крепко обнял. Единственной преградой между ними была мокрая ткань ее сорочки.

Внутри у Каро что-то бешено затрепетало.

Почти касаясь ее губ своими, он еще крепче стиснул руки и прижал ее бедра к твердой набухшей плоти своего мужского достоинства, позволяя почувствовать, как сильно он возбужден.

Она не раз видела, как спариваются животные, так что физическая сторона отношений мужчины и женщины в принципе была ей понятна. А ее лучшая подруга Изабелла частенько делилась с ней откровенными историями о жарких ночах, проведенных с бесчисленными любовниками.

Но ничто не подготовило Каро к реальности отношений с этим человеком, к ощущению его плоти, красноречиво говорившей о его мужских потребностях. К жарким, бесстыдным эмоциям, омывавшим ее беспомощное тело.

Его теплое дыхание легким ветерком обласкало ее губы.

– Я хочу тебя.

Неистово чувственное признание застало ее врасплох. До этого момента ни один мужчина не говорил ей ничего подобного. Он достаточно ясно выразил свое желание... и все же она вообразила, что поняла истинный смысл его слов: он жаждал от нее физического утешения. Хотел почувствовать жизнь, а не смерть, и страсть – наиболее яркое выражение жизни. И Макс Лейтон, вне всякого сомнения, отреагировал бы точно так же на любое теплое женское тело. Но даже если это и так, Каро не могла отрицать ответного желания, которое пробудили в ней его слова.

И в эту минуту их губы слились. Его поцелуй был одновременно грубым и нежным, требовательным и отчаянным, выражавшим мучительную потребность, особенно когда его язык настойчиво скользнул в ее рот, окончательно лишив способности дышать.

Нетерпеливый звук вырвался из ее горла, и ее пальцы сами собой впились в тугие мышцы его плеч. Этот исступленный, почти безумный поцелуй был первым в ее жизни.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем он со стоном оторвался от нее, закрыл глаза и прижался лбом к ее лбу, словно пытаясь взять себя в руки.

– Тебе следовало бы остановить меня, пока это не зашло слишком далеко, – хрипло выдавил он.

Сбитая с толку и совершенно озадаченная, Каро покачала головой.

– Я... не хочу, чтобы ты останавливался, – дрожащим голосом попросила она.

Ее непослушное сердце отстучало несколько ударов, затем он отстранился и испытующе взглянул на нее.

– Чего ты хочешь, ангел? Скажи.

Она не успела оглянуться, как груди легли в его ладони, словно в две чаши. Большие пальцы прижались к соскам, превратившимся в два крошечных камешка.

Огненная молния прострелила ее, и Каро с трудом сдержала инстинктивную мольбу. То, что она в действительности хотела, было скандальным! Развратным! Бесстыдным! Потому что она хотела его. Хотела, чтобы он обнимал ее. Прикасался. Показал, что такое настоящее наслаждение.

Что, если она отдастся ему? – настойчиво твердил внутренний голос. После сегодняшней ночи она больше не увидит Макса Лейтона. Возвратившись в полк, он вряд ли найдет еще одну причину снова приехать на остров. И его могут убить...

При мысли о том, что этот сильный, мужественный человек ежечасно рискует своей жизнью, у нее едва не разорвалось сердце. Но это только усилило ее решимость. Скорее всего, это его последняя ночь страсти. И ее тоже.

Она хотела стать женщиной. И не могла больше скрывать этого желания даже от себя самой. Оно словно огонь сжигало ее душу. Но каким бы абсурдным это ни казалось, она не могла заставить себя быть откровенной. Смело открыть свои мечты. Много раз в роли «хранителя» она сталкивалась с опасностью и интригами, но сейчас испытывала странную неловкость и умирала от застенчивости. Она могла только намекнуть... и надеяться, что он поймет.

– Я... не настолько опытна, как ты считаешь. Он мгновенно насторожился.

– Ты никогда не была с мужчиной?

– Честно говоря, нет.

И снова между ними воцарилось молчание. Лунный свет играл на его точеных чертах, и она невольно любовалась им, ожидая ответа. Вода лизала ее груди, просачивалась между ног, еще более обостряя чувствительность женской плоти, пробуждая дремлющие желания, заставляя остро ощущать сосущую боль.

– Тогда тебе лучше уйти, – холодно, почти резко выдавил он.

– Я хочу остаться, – едва слышно возразила она. – Пожалуйста... я хочу узнать истинную страсть. Ты мне покажешь?

Его колебание длилось целую вечность.

– Меня нужно пристрелить хотя бы за то, что я раздумываю над твоим предложением.

– Пожалуйста, Макс...

Нежность разительно преобразила его застывшее лицо.

– Ты уверена?

Она еще в жизни не была так уверена.

Сегодня ей, наконец, предстоит узнать тайну отношений между мужчиной и женщиной. Она сможет отдаться самым потаенным своим желаниям. Сможет быть алчной, неистойвой и женственной, бесстыдной и буйной.

Она почти не сомневалась, что любовь этого человека вознесет ее на седьмое небо. И совсем не сомневалась, что будет лелеять эти воспоминания до конца дней своих.

Вместо ответа она протянула руку, чтобы коснуться его худой щеки.

– Знаю, иногда это больно... так что, пожалуйста... будь нежен.

– Могла бы и не просить.

Он и был нежен. Невероятно нежен. Она ощущала его железную волю и стальное самообладание, когда он осыпал ее поцелуями, легкими, как крылья бабочек, едва прикасаясь к губам, подбородку, шее. Все еще не отрывая от нее губ, он приподнял Каро, развел ее ноги, так что они оказались по обе стороны его мускулистых бедер, спустил с плеч лиф сорочки, и ее голые трепещущие груди вырвались на волю.

Каро сжалась, боясь, что он будет разочарован видом ее нагого тела, но огонь в его глазах разгорался все ярче. Он словно пожирал взглядом ее мокрую блестящую плоть. И под этим откровенным взглядом ее щеки запылали еще ярче. Руки, гладившие ее упругие холмики, казались раскаленными.

Макс не торопился, лаская ее нежно, медленно, и она забыла о своих страхах. Забыла обо всем. И понимала только, что он исполнен решимости возбудить ее так же сильно, как она, сама того не сознавая, возбудила его.

Каждое его движение было непередаваемо чувственным. И все же Каро оказалась не готовой к взрыву ощущений, когда он нагнулся, чтобы взять губами горошинку соска, и стал сосать. Каро задохнулась и закрыла глаза, охваченная жаром, а внизу живота и между бедрами разливалась почти невыносимая боль.

Целую вечность его язык и губы возбуждали ее. Искушали, обольщали, опьяняли, посылая мириады ощущений в каждый нерв ее тела. Его руки так же неспешно стали гладить ее спину, обводя изгибы бедер, ягодицы, мяли упругие полушария.

Ее голова бессильно откинулась, из груди вырвался тихий вздох наслаждения. Наконец его губы оставили ее груди и провели пылающую дорожку по ее горлу.

– Ты этого хотела? – горячо выдохнул он и, не дожидаясь ответа, схватился за подол ее сорочки и проворно стянул истекающий водой предмет одежды через голову, оставив Каро совершенно обнаженной. Его глаза стали еще темнее: очевидно, он был заморожен и потрясен столь соблазнительным зрелищем.

Но сама Каро понимала, что всему причиной магия ночи. Обольстительная чувственность, пронизавшая самый воздух острова, усиливала его голод. Только сейчас причина была ей безразлична. Потому что тот же голод пожирал и ее. Под его взглядом она чувствовала, что прекрасна.

Сонная, пьянящая истома охватила ее, когда его руки снова скользнули по ее телу в чувственной ласке. Его ладонь медленно провела по ее бедру, скользнула к животу и ниже, к завиткам у развилки ее бедер. И когда отыскала самую нежную и чувствительную часть ее тела, Каро затрепетала.

Он стал ласкать едва заметный бугорок. Один палец проник внутрь, заставив ее громко охнуть.

Игнорируя ее инстинктивные протесты, он продолжал возбуждать ее... дерзкие пальцы проникали все дальше... медлили... задерживались... отстранялись, только чтобы начать все снова.

И с каждым его движением желание все сильнее кружило голову, заставляя забыть про стыд, наполняя мучительным томлением. Каро отчаянно выгнулась, пытаясь коснуться ноющими грудями его груди.

– Полегче, – пробормотал он, но в гортанном голосе слышались удовлетворенные нотки.

Чуть отстранившись, он подвел ее руку к своим чреслам, к мужской плоти, которая так дерзко упиралась в ее живот. Даже в теплой воде она казалась горячей и пульсировала при малейшем прикосновении.

Он медлил, предоставляя ей выбор. Но для Каро отныне не существовало выбора. Глупо или мудро, но она хотела этого. Хотела его.

– Да, – прошептала она, отвечая на его молчаливый вопрос.

Глядя на нее горящими глазами, он сжал ее бедра и поднял над своим восставшим фаллосом только затем, чтобы снова осторожно опустить.

Его вторжение было бесконечно медленным и осторожным, хотя ее женское естество уже увлажнилось любовными соками. Она была настолько потрясена новыми ощущениями, что застыла неподвижно. Настоящей боли не было, но она чувствовала, как ее растягивают и проникают все глубже, едва не разрывая.

Теплые губы коснулись ее трепещущих ресниц, щек и губ, пока она не стала дышать ровнее.

– Теперь лучше?

– Да...

Тупая боль улеглась, и все же она боялась двигаться, потому что гигантский пульсирующий стержень наполнил ее до отказа. Но он, сжав ее бедра, проник глубже. Искра наслаждения вспыхнула в ней, и она невольно вздрогнула. А когда он, чуть отстранившись, снова вонзился в нее, она поняла, что ее тело приняло и даже приветствовало его власть над собой.

Его губы скользнули от мочки уха к шее, затем к тонкой ключице и дальше...

Он снова сосал ее груди, на этот раз еще сильнее. Язык обводил розовые кружки, лизал, возбуждая в ней жаркое, настойчивое желание.

Каро бессильно обмякла, прижимая свою трепещущую плоть к его губам и что-то бессвязно бормоча, содрогаясь от ощущений, таких исступленных, что, казалось, она сейчас обратится в пламя.

Потом его великолепные руки снова скользнули между их телами, а большой палец нашел скользкий бутон, скрытый в женственных складках.

– Нет... – инстинктивно вырвалось у нее. Дрожа, она попыталась высвободиться, избавиться от пугающей настойчивости.

– Да, – настаивал он, не позволяя ей освободиться.

Одна рука по-прежнему сжимала ее бедро, пальцы другой продолжали ласкать набухший бугорок. Он снова поцеловал ее, глубоко проникнув языком в рот и одновременно сделав новый выпад.

Темные волны наслаждения неустанно бились о берег ее желания, пока боль не стала отчаянно острой. Исполненная безумной чувственности, Каро стала бешено извиваться. Панический, тоскливый стон вырвался у нее. Пальцы впились в бугрящиеся мышцы плеч, когда жидкий огонь охватил ее.

Она льнула к нему, беспомощно содрогаясь, крики раскалывали тишину ночи, огненный ад продолжал бушевать, такой мощный, такой опустошающий, что она окончательно потеряла голову.

Ошеломленная, опустошенная, она рухнула ему на грудь, слушая оглушительный стук его сердца, нежась в его объятиях.

– Я не подозревала... – пробормотала она долгое время спустя хриплым от страсти голосом. – Наверное, именно это и называют маленькой смертью.

– Именно это.

Она расслышала улыбку в его голосе, почувствовала, как его губы прижались к влажным локонам на ее виске.

– Но есть и кое-что еще, милая.

– Еще? – неверяще рассмеялась она.

– Больше, гораздо больше.

Он слегка шевельнул бедрами, чтобы она почувствовала всю силу его возбуждения.

Каро, мгновенно задохнувшись, чуть отстранилась и взглянула в его темные глаза.

– Ты меня научишь?

– С большой радостью и удовольствием.

Он снова сжал ее ягодицы и стал раскачиваться, прежде чем, зажмурясь, медленно войти в нее. На этот раз он был так же осторожен, но она по-прежнему чувствовала, каких усилий воли это ему стоит. Лицо словно осунулось, губы плотно сжаты, дыхание так же затруднено, как у нее.

Она почувствовала его отчаянное желание, когда его губы стали слепо искать ее рот, слышала это в его голосе, когда он прошептал в ее губы:

– Исцели меня, неукротимый ангел.

И его мольба окончательно сломила ее сопротивление. Его темное желание наполнило ее нежностью, потребностью излечить его истерзанную войной душу.

Ее руки крепко обвили его, и она вернула жаркий поцелуй, вложив в него все, что таила от самой себя все эти годы.

Вся ее ночь принадлежит этому великолепному мужчине. Она сделает все, чего он захочет. А он, очевидно, хотел отдаться ночи, лунному свету, очарованию страсти этого острова.

И самой Каро.

Глава 1

Лондон

Сентябрь 1814 года

Частично скрытый от посторонних взглядов огромной пальмой в кадке, Макс Лейтон прислонился к мраморной колонне, сучающе разглядывая шумный, заполненный народом бальный зал. После многолетних тягот войны он вернулся в Англию, полный решимости изгнать мрачные воспоминания, отдавшись земным наслаждениям мирной жизни.

Но такого он не ожидал. И не знал, куда деваться от преследований пронырливых мамаш и их зрелых дочерей, стремившихся поймать его в свои сети. В нынешнем безумном вихре празднеств по случаю победы богатый, знатный, увенчанный наградами ветеран считался чрезвычайно выгодным женихом, но Макс, к собственной досаде, слишком поздно об этом догадался.

Уголки его губ скривились в презрительной гримасе. Он не испытывал ни малейшего желания сражаться на поле любовных битв и тем более не собирался жениться. Но теперь даже самые признанные светские львицы старались привлечь его внимание. Такая всеобщая популярность была ему не по вкусу. И, желая немного отдохнуть, Макс поспешил скрыться за пальмой.

Если бы только подчиненные могли его сейчас видеть!

Макс невольно усмехнулся. Вряд ли многие из его людей посочувствуют злоключениям бывшего командира: жизнь в роскоши, богатстве, в обществе первых красавиц королевства вряд ли можно посчитать тяжелой.

Что с ним стряслось? До войны он не считал балы, приемы и пикники настолько банальными. Но может, самые веселые развлечения бомонда не могли сравниться со счастьем спасти Европу от кровавых притязаний деспота.

Или все дело в женщинах, так разочаровавших его? Ни одна из них не обладала откровенностью, простотой и обаянием той, которую он не мог забыть.

Чуть прищурившись, Макс в миллионный раз вернулся к воспоминаниям о той ночи на острове более года назад.

Он не ожидал найти там рай или провести чарующую ночь страсти с невинной обольстительницей. Он действительно не смог забыть ту ночь на Кирене или волшебницу, давшую ему утешение.

С тех пор он боролся с растущей потребностью вернуться на остров и найти Каро Иверс, просто чтобы понять, была ли та магия между ними реальной или результатом необычайных обстоятельств. Возможно, на самом деле все гораздо проще: долгие месяцы войны и одиночества повлияли на него странным образом и превратили ее в идеал красоты и женственности.

У него не было веского предлога пускаться в такое путешествие. Судя по всему, лейтенант Йейтс оправился от ран, ведет мирную жизнь и нашел работу секретаря у престарелого аристократа. В его жизнерадостных письмах и намека нет на горечь тяжелой жизни калеки.

Но даже если это и так, он всегда может сказать, что хотел навестить бывшего подчиненного...

– Только не говори, что скрываешься, – прервал его размышления веселый мужской голос. – Неужели не понимаешь, сколько красоток успел разочаровать?

Перед ним стоял Кристофер, виконт Торн, с понимающим видом разглядывая приятеля. Они встретились в прошлом году на Кирене во время краткого визита Макса и за последние несколько месяцев успели подружиться вопреки воле и убеждениям майора Лейтона. Он не хотел заводить новых друзей, пока еще живы душевные раны, нанесенные потерями старых.

– Вот возьми, это поможет, – уверил Торн, вручая ему рюмку с жидкостью, по цвету напоминавшей бренди. – Думаю, ты предпочтешь более сильное средство безвкусному пуншу моей тетушки.

Макс с благодарностью принял рюмку и тут же осушил, с наслаждением ощущая, как жидкий огонь медленно льется в горло.

Торн был распутным сыном герцога. Высокий, светловолосый и могучий, он пользовался шумным успехом у дам, бесстыдно вешавшихся ему на шею. Именно он познакомил Макса с теми пресловутыми удовольствиями, которые мог предложить Лондон. Именно Торн уговорил его посетить сегодняшний бал.

Макс, с облегчением вздохнув, поднял пустую рюмку.

– Хорошее средство, но ты по-прежнему в долгу передо мной.

Торн сверкнул белозубой улыбкой:

– Каюсь.

Он приехал в Лондон на осенний сезон, потому что весьма неохотно обещал леди Хеннеси, своей тетке, что будет сопровождать свою юную кузину-дебютантку, которая пыталась приобрести светский лоск, готовясь к весеннему сезону. И просил Макса приехать сегодня, потому что не считал, что сможет в одиночку вынести бал леди Хеннеси.

– Понимаю, испытание суровое, – кивнул он, дружески ударив Макса по плечу. – Хуже любой чумы, когда тебя осаждает так много женщин, которые то и дело признаются в любви.

– Да, особенно если знать, что любят не меня, а мой доход и будущий титул.

Как единственный родственник и наследник своего престарелого дядюшки, Макс должен был стать виконтом после смерти последнего.

– Не забывай о своей внешности и обаянии, – добавил Торн. – И о том, что ты прославленный герой войны. Похоже, ты не представляешь, сколько мужчин готовы на все, лишь бы оказаться на твоём месте!

Макс вымученно улыбнулся:

– Я предпочел бы быть где угодно, только не здесь. Хотя бы на твоём острове.

Торн покачал головой:

– Не уверен, что это такой уж хороший выход. На Кирене тоже полно дебютанток, решительно настроенных на брак. Не забудь, три дюжины тамошних британских семей считают себя сливками общества. У них свой маленький круг, и они вполне способны быть не менее безжалостными, чем лондонские десять тысяч особ высшего света.

– Готов рискнуть, чтобы обрести хотя бы немного покоя.

Торн пристально уставился на приятеля:

– А, кажется, я понимаю, в чем дело. Ты подхватил болезнь.

– Болезнь?

– Чары Кирены поразили и тебя. Они проникли в твою кровь.

Макс снова глотнул бренди и покачал головой:

– Я слышал что-то насчет волшебства, но не верю в подобные вещи.

– Поверь, на некоторых людей он влияет очень странно. А его очарование может быть опасным.

Макс молча согласился с другом. Он сам находил остров волшебным, искушающим, манящим...

– Именно поэтому ты и осел там? – спросил он друга. – Тебя соблазнил остров?

К его удивлению, Торн загадочно улыбнулся:

– Отчасти. Но Кирена имеет и другие привлекательные качества, которые на первый взгляд не так очевидны.

Судя по слухам, Торна много лет назад сослал на Кирену разгневанный благородный отец. Но хотя он с тех пор исправился настолько, чтобы угодить родителю, все же предпочел

поселиться на крохотном острове в западной части Средиземного моря, между Испанией и Сардинией. Макс никогда не понимал почему: вряд ли столь безмятежная обстановка может привлечь человека с беспокойной натурой Торна.

– Может, тебе действительно следует еще раз приехать туда, – добавил Торн. – Тишина и спокойствие будут тебе – полезны.

Макс кивнул, соглашаясь с другом и вспоминая то короткое счастье, которое он там нашел. Теплое, золотистое солнце. Сверкающее аквамамино море. Горные пики, заросшие сосной и каменным дубом. Плодородные долины, утопающие в виноградных лозах, апельсиновых и оливковых рощах. Древние развалины. Чарующие лунные ночи...

Рай на земле.

Какая соблазнительная мысль! Очень тяжело признаваться, что он так и не оправился от военных тягот. Затянувшаяся война окончилась только с отречением Наполеона в апреле. И все же Макса до сих пор преследовали кошмары. Его собственный личный ад. Он вернулся живым, а вот другие, куда более достойные воины, лежат в земле. Часто в мрачные часы ночи только мысли о нежном ангеле острова Кирена помогали держать в узде скорбь и угрызения совести.

В этот момент его внимание привлекла знакомая пышная фигура, приближавшаяся к пальме, и Макс с проклятием подавил внезапный порыв прижаться к колонне.

– Здесь я уж точно не найду тишины и спокойствия, – проворчал он, с опаской рассматривая вдову-блондинку, явно искавшую его глазами.

– В таком случае едем со мной на Рождество, – предложил Торн. – Мои обязательства пока что удерживают меня в Лондоне, но я собираюсь провести праздник на Кирене и буду очень рад, если ты сумеешь присоединиться ко мне.

– Пожалуй, меня легко убедить. Я и сам давно хочу посмотреть, как там устроился Йейтс.

И снова повстречать одного соблазнительного ангела... Он понимал, что вслух об этом говорить не стоит, но язык словно не слушался его.

– Что ты слышал о мисс Иверс?

– Каро? – удивился Торн, вскинув брови. – Ах да, вы познакомились, когда она ухаживала за Йейтсом. – Он медленно улыбнулся, словно вспомнив что-то приятное. – Как всегда, необыкновенна. И одинока. С завидной регулярностью доводит до белого каления благородных граждан Кирены.

– Она действительно показалась мне чуждой условностям.

– Это верно, – тихо рассмеялся он и, неожиданно осекшись, пробормотал: – Какого черта... Только помяни дьявола... – Он недоуменно прищурился, и, проследив за направлением его взгляда, Макс устремил взор мимо танцующих к главному входу в бальный зал. Женщина, стоявшая там, выглядела удивительно не на месте среди разряженных, осыпанных драгоценностями и украшенных перьями и оборками дам. На ней был простой темный дорожный костюм. Глаза нетерпеливо шарили по толпе.

Макс ощутил, как напряглась каждая мышца его тела. Это она. Ангел из его снов. Гордая осанка. Тонкие черты лица. Сострадание в каждом исцеляющем прикосновении.

Гадая, уж не грезит ли он снова, Макс быстро заморгал и почти не услышал, как Торн неожиданно сухо объявил:

– Прощу простить. Каро, должно быть, ищет меня. Нужно срочно узнать, что привело ее сюда.

Он поспешно отошел, а Макс, слегка ошеломленный, словно прикованный к месту, не мог пошевелиться. Как и Торн, он понятия не имел, что привело Каро Иверс сюда, в Лондон, особенно в бальный зал леди Хеннеси.

И все же он ничуть не сомневался в том, что его жизнь с этого момента стала куда ярче.

Каро облегченно вздохнула, заметив приближающегося Торна. По крайней мере, ее поиски на сегодня закончились.

Едва он приблизился, она вынудила себя ответить на его приветливую улыбку, прекрасно при этом понимая, что стала объектом бесчисленных любопытных взглядов. Дурная слава не слишком волновала ее – к этому времени она ко всему привыкла. И за пять лет, прошедших с ее кошмарного лондонского сезона, Каро сумела побороть тошнотворное мерзкое сознание того факта, что в глазах высшего общества всегда будет считаться парией. Но никто не должен заподозрить, что она и лорд Кристофер Торн – нечто большее, чем просто хорошие знакомые и соседи, или что она приехала сюда со срочным для него заданием.

– Вы только что прибыли в Лондон? – пробормотал он, галантно склонившись над ее рукой.

– Да, и сразу же отправилась к вам, но дворецкий заверил, что я могу найти вас здесь. Торн, с Изабеллой беда. Мы считаем, что ее захватили в плен.

Учтивая улыбка Торна не дрогнула, хотя глаза мрачно блеснули.

– Рад снова видеть вас, мисс Иверс. Пойдемте, расскажете мне новости из дома.

И, положив ее руку на сгиб своего локтя, он вывел ее в коридор и проводил в библиотеку. Каро вздрогнула, когда он закрыл за собой дверь. Хотя в камине горел огонь, все же здесь было куда холоднее, чем дома, на ее прекрасном острове.

– А теперь расскажи, что случилось, – коротко велел Торн. Теперь, когда необходимость притворяться отпала, вид у него был самый деловитый.

– Пять недель назад Изабелла возвращалась домой из Испании, но ее судно так и не прибыло на Кирену. По всей вероятности, его захватили берберские пираты и ее увели в рабство, – со страхом рассказывала Каро, видя, как мрачно хмурится Торн. Опасности плавания по Средиземному морю были хорошо известны. Теперь, когда Наполеон был побежден и сослан, французский флот больше не угрожал торговым судам. Но корсары с Берберийского побережья Северной Африки много веков разбойничали в этих водах, захватывая корабли и продавая пленников на невольничьих рынках. Недаром десять лет назад американский флот начал войну с Триполи, стараясь освободить своих граждан, попавших в рабство.

– Садись и начинай сначала, – предложил он, когда Каро стала метаться по комнате.

– Не могу вот так просто сидеть. Я без дела просидела на шхуне две недели! Ну почему чертово путешествие в Лондон длится целую вечность?!

– Но ты не поможешь Изабелле, проделав дырки в ковре моей тетушки, – возразил Торн. – Хочешь выпить?

– Да, спасибо.

Его спокойный тон возымел нужный эффект. Каро с глубоким вздохом подошла к камину и протянула к огню затянутые в перчатки руки. Торн тем временем шагнул к столу и налил ей бокал шерри.

Каро продолжала пристально глядеть в огонь, завороченная воспоминаниями. Леди Изабелла Уайлд была ее лучшей подругой, прекрасной испанской аристократкой, пережившей трех мужей и теперь ведущей вольную жизнь, путешествуя по всему миру. Обожающая приключения, Изабелла была для Каро кем-то вроде матери с тех пор, как родная мать Каро умерла, оставив девочку сиротой. Изабелла была для нее также примером независимого мышления и неизменно поощряла девушку в ее стремлениях и мечтах.

Каро была исполнена решимости выручить подругу из рабства. Ее поддерживали и остальные «хранители». Для них это было не только личным делом. Дочь сосланного испанского политика, Изабелла много лет назад получила убежище на Кирене. А захват любого человека, находившегося под покровительством «хранителей», был ударом в сердце ордена. Их предводитель, сэр Гавейн Олуэн, посчитал, что на карту поставлена их честь. И без всяких

слов было ясно, что необходимо отправлять спасательную экспедицию. Поэтому Каро приехала в Лондон, чтобы передать Торну приказания ордена.

Он вручил ей бокал, после чего уселся на диван и стал внимательно слушать, как Каро излагает факты, которые им удалось собрать после пропажи Изабеллы. Факты, позволившие предположить, что ее взяли в плен берберские корсары.

– У нас почти нет сведений. Когда все сроки прибытия судна пройти, мы разослали людей на поиски. В ту неделю не было ни одного шторма, и вряд ли судно затонуло. Потом мы узнали, что пакетбот преследовало судно под алжирским флагом.

– И с тех пор от Беллы нет ни слуху, ни духу? И никаких требований выкупа?

– Ни одного. Сэр Гавейн отправил двух агентов в Триполи на случай, если наша разведка ошиблась, но возможность, что ее увезли в Алжир, слишком велика.

– И сэр Гавейн требует, чтобы я отправился в Алжир на поиски?

– Совершенно верно.

– Он, разумеется, понимает, как сложно будет обнаружить ее там.

Каро кивнула. Судя по тому, что она слышала, Алжир – большой, густонаселенный город с домами, которые лепятся друг к другу, как пчелиные соты. А сама страна Алжир, часть Османской империи, – это гигантские пространства суровых гор и враждебных человеку пустынь.

Не притронувшись к шерри, Каро поставила бокал на каминную полку. И потянулась к ридикюлю, откуда вынула тонкую стопку бумаг и протянула Торну.

– Все подробности здесь. Все наши планы и задания для каждого из нас, включая твое.

Торн быстро пробежал глазами бумаги, не спрашивая, почему Каро решила лично передать приказ. «Хранители» часто пользовались почтой и почтовыми голубями, но это задание было слишком важным, поэтому документы требовалось передать из рук в руки.

Каро содрогалась при мысли о том, что может случиться с ее подругой. Оставалось надеяться, что смуглая красота и элегантные манеры Изабеллы позволят ей избежать судьбы многих рабов – тяжелого труда и постоянных избиений – и приведут ее в гарем богатого шейха. Алжиром управляли наместники турецкого султана – деи. Их резиденцией служил неприступный замок. Если Изабелла заточена в этом замке, вызволить ее будет почти невозможно.

Но прежде необходимо ее найти. С полдюжины «хранителей» уже находились в Берберии, пытаясь найти хоть какие-то сведения, а кое-кого призвали на Кирену, на случай, если придется организовать спасательную экспедицию.

Торн, оторвавшись от бумаг, поднял глаза.

– Хок ведет поиски в Алжире, и мне придется ехать туда. К нему на помощь, – уточнил он.

– Совершенно верно. И мне нет нужды пояснять, насколько важно выиграть время.

Торн кивнул:

– Я выезжаю завтра утром, как только позабочусь кое о каких мелочах, чтобы со спокойной душой отложить свое нынешнее задание.

Глаза Торна загорелись предвкушением новых приключений, что весьма ободрило Каро. Впервые за несколько недель она почувствовала, как натянутые нервы слегка расслабились. Какое счастье, что Кристофер Торн на их стороне!

Она знала, что он с радостью согласится участвовать в их миссии, потому что обожал трепет опасности. Мятежник в душе, Торн был одним из самых бесшабашных и безрассудно храбрых членов группы. Если не считать Каро, из всех «хранителей» он был ближе других к Изабелле и прекрасно понимал ее тревогу за приятельницу.

Торн поднялся с дивана и, подойдя к ней, сжал ее руку в большой сильной ладони.

– Мы найдем ее, не сомневайся!

Каро слегка улыбнулась. Это задание беспокоило ее куда больше предыдущего, вероятно, потому, что исход касался ее лично.

– До чего же противно быть такой беспомощной! Я постоянно думаю о том, что сейчас Изабелла находится в руках и во власти жестокого господина! Она совсем одна, Торн...

– А ты не посмотрела на все это с другой точки зрения? Вдруг Белла считает захват судна скорее приключением, чем трагедией?

Каро понимала, что он пытается утешить ее, однако это были не просто слова. Большинство женщин ужасала сама возможность попасть в лапы берберских пиратов, но Изабелла, с ее пылким характером, была куда предусмотрительнее и разумнее многих представительниц своего пола. Если кто и способен выжить в этих обстоятельствах, так это она.

Но все же Каро выводила из себя невозможность строить подробные планы, пока они не обнаружили, действительно ли Изабелла находится в плену. А ведь на это могут уйти недели, если не месяцы!

– Ты прав, конечно, – пробормотала она. – Но я сойду с ума от бездействия и ожидания.

Торн пощекотал ее под подбородком, как ребенка.

– О нет, девочка моя, ты так легко не отделаешься. У меня для тебя идеальное поручение. Немедленно извинись перед моей тетушкой. Она ни за что не освободит меня от обещания быть кавалером кухни на этот сезон.

– Почему я?

– Потому что тетя Хеннеси любит тебя. И скорее меня простит, если именно ты попросишь ее об этом.

Именно леди Хеннеси оплатила расходы на провальный лондонский сезон Каро много лет назад и, несмотря на скандал, причиной которого невольно стала девушка, по-прежнему прекрасно к ней относилась.

– Только скажи ей, что Белла пропала, – добавил Торн, подводя Каро к двери, – и что я должен ее спасти. Иди, попытайся обвести ее вокруг пальца, солнышко. А я тем временем принесу кое-какие депеши для доставки сэру Гавейну. Вернусь через час-полтора. Собираешься остановиться здесь?

– Да, если леди Хеннеси позволит.

– В этом я не сомневаюсь, при условии, что пообещаешь не устраивать сцен на балу. Она все еще пытается забыть твой сезон, – беззлобно поддел он.

Каро мигом бросило в краску.

– Я, разумеется, не собираюсь устраивать никаких сцен, – процедила она. – И как только поговорю с ней, немедленно удалюсь.

– Уверен, она будет крайне благодарна.

Торн уже собрался уйти, но остановился и оглянулся, словно что-то вспомнил.

– Кстати, Каро! Ты можешь сделать для меня еще кое-что. Передай мои извинения Максиму Лейтону.

Каро задохнулась от неожиданности.

– Майор Лейтон здесь? – спросила она чересчур громко и взволнованно.

– Мистер Лейтон. Теперь он штатский. Но ты и без меня должна знать: он герой светской хроники всех лондонских газет.

Она знала. Сэр Гавейн выписывал все британские газеты, чтобы быть в курсе последних событий в мире и бомонде.

– Почему ты должен извиняться перед ним? – с небрежным видом бросила Каро.

– Потому что потащил на этот бал, чтобы он составил мне компанию. С его стороны это было величайшей жертвой, учитывая, как настойчиво дамы преследуют его. Как мне ни жаль, но придется бросить его на растерзание светским львицам. Скажи Максиму, что я очень сожалею и что мое приглашение провести Рождество на Кирене по-прежнему в силе.

Каро опустила глаза, чтобы скрыть досаду.

– Если увижу его, все передам, – неохотно выдавила она.

– Так дело не пойдет, любимая. Обещай, что поищешь Макса после моего ухода. Иначе мне придется задержаться, чтобы самому это сделать.

– Хорошо... так и быть. Даю слово.

– Он, конечно, будет рад тебя видеть. Только сегодня спрашивал о тебе.

– Правда? – растерянно пробормотала она.

– Да. Очевидно, ты произвела на него немалое впечатление во время его короткого визита на остров в прошлом году. А теперь иди поищи тетушку. Я вернусь как можно скорее.

И Торн решительно направился к выходу. Каро ошеломленно смотрела ему вслед, едва удерживая проклятия. Не хватало ей еще встречи с Максом Лейтоном... Впрочем, можно подумать, у нее есть выбор!

Пришлось неохотно возвращаться в бальный зал. В обычных обстоятельствах ее трудно назвать трусихой. Но при мысли о новой встрече с Максом Лейтоном дрожали коленки. Удивительно, что Лейтон вообще помнил о ней.

«Очевидно, ты произвела на него немалое впечатление...»

Щекам снова стало горячо. Можно представить, что он думает о ее поведении той ночью! Вела себя как последняя распутная девка! Молила его овладеть ею! Практически обольстила!

Даже сейчас при одном воспоминании об этом ее охватывал стыд. И она все так же томилась сладострастным желанием.

Неужели он тоже помнит об их ночи страсти? После всех женщин, с которыми он, вероятно, спал, вряд ли их ночное приключение стало для него чем-то особенным.

А вот она уж точно никогда его не забудет. Та волшебная ночь ясно показала, чего лишена в жизни Каро. А безумные ласки Макса только усилили ее томление...

Ах, какую же ошибку она сделала, отдавшись своим бесстыдным порывам! И все же воспоминания до сих пор были ей дороги. Настолько, что она не хотела портить их вторжением холодной реальности или разочарованием при встрече с ним в другом месте, среди шумной толпы. За последние несколько месяцев она успела прочесть бесчисленные газетные заметки о Максе Лейтоне, свежие сплетни о его любовных связях и предсказания насчет того, кто первым выиграет брачные скачки и завоюет его богатство и будущий титул.

К сожалению, она увидела его, едва появилась в бальном зале. Толпа слегка расступилась, и высокий мужчина с властной осанкой оказался совсем близко. Вместо блестящего мундира седьмого гусарского полка на нем был безупречно сшитый синий фрак, идеально обтягивавший мускулистые плечи и, вне всякого сомнения, подчеркивавший поразительный цвет его глаз.

Как она и ожидала, он был окружен настоящим цветником красавиц.

Каро решительно попыталась изгнать пустоту, поселившуюся в груди. Она часто гадала, по-прежнему ли Макс остается раненым воином или сумел исцелиться после окончания жестокой войны с Наполеоном. «Непохоже, чтобы он сильно страдал», – с горькой усмешкой подумала она.

И все же Каро была бесконечно рада, что ему удалось выйти из жестокой схватки живым и невредимым. И он, несомненно, заслужил счастье. Учитывая ужасы, перенесенные им, те сводящие с ума наслаждения, которые Лондон предлагал уставшему от битв солдату, еще не скоро помогут Максиму забыться. Но как было обидно и противно, что он превратился в такого повесу. И черт возьми, до чего же неприятно видеть его с такими красавицами!

Но в этот момент он повернулся и встретился с ней взглядом. Сердце Каро, казалось, замерло. Перед ней был все тот же незабываемый мужчина, которого она так часто видела во сне. Все то же поразительное лицо. Все те же неотразимые синие глаза, окаймленные черными ресницами. Все та же мощная, неотразимая мужественность.

Предательская краска поползла по щекам, когда он устремил на нее жаркий взгляд.

Всячески ругая себя, Каро умудрилась протолкнуть комок, застрявший в пересохшем горле. Если от нее требуется поговорить с ним, нужно сделать все, чтобы не выказать охватившее ее смутение. И если, не дай Бог, он осмелится упомянуть ту давнюю ночь, она встретит его с открытым забралом и постарается быть столь же искушенной, как те элегантные красавицы, которые так и выются вокруг него, добиваясь знаков внимания.

Но сначала ей нужно найти тетушку Торна.

С усилием оторвав от него взгляд, она наконец заметила леди Хеннеси, сидевшую у стены вместе с другими вдовствующими дамами, и, благодарная за возможность передохнуть, стала проталкиваться сквозь толпу.

Дородная леди с серебристыми волосами удивленно подняла глаза и тут же расплылась в восторженной улыбке, быстро превратившейся в тревожную гримасу.

– Дорогая моя, что ты здесь делаешь? Сэр Гавейн? Что-то случилось?

Каро наклонилась, чтобы поцеловать подставленную щеку.

– Сэр Гавейн здоров, миледи. Но к сожалению, я привезла неприятные новости заодно с просьбой, касающейся вашего племянника. Можно поговорить с вами наедине?

Приятельницы леди Хеннеси, поняв намек, дружно поднялись, позволив Каро сесть рядом.

– Прекрасно, – пробормотала престарелая леди, прищуривая пронизательные глаза. – Расскажи, в какую авантюру ввязался на этот раз козел отпущения, именуемый моим племянником.

– Кажется, мистер Лейтон, вы необычайно заинтересовались мисс Иверс, – пропел жалобный женский голосок. – Надеюсь, вы понимаете, что она просто старается привлечь ваше внимание.

– Разумеется, – поддакнула другая леди. – Как это похоже на нее: устроить сцену, появившись на балу в жалких обносках!

Вынудив себя прислушаться к своему окружению, Макс поднял брови:

– Считаете, она специально появилась, чтобы устроить сцену?

Сразу с десятков дам громко затрещали, перебивая друг друга: очевидно, им не терпелось поведать кучу пикантных историй о Каро Иверс.

– Мой дебют был в том же году, – заметила одна.

– И уже тогда она была слишком стара для дебютантки.

– Помню это неуклюжее молчаливое создание. Никаких манер! Никакого воспитания!

– Даже танцевать не умела!

– Но последней каплей был устроенный ею скандал!

– Бедная леди Хеннеси! Такое унижение!

Дамы хором засмеялись, словно вспомнив известный анекдот.

– Что за скандал? – поинтересовался Макс.

– Выяснилось, что мисс Иверс одевалась мужчиной, чтобы посещать лекции по медицине.

– Ее застали, когда она изучала обнаженные тела!

– Хуже того, она рассматривала их внутренности!

Некоторые наиболее чувствительные дамы картинно вздрогнули. Высокая блондинка, открыто охотившаяся за Максом, злорадно добавила:

– И поэтому ее с позором изгнали из общества.

Макс, нахмурившись, окинул вдову ледяным взглядом.

Очевидно, заметив его неодобрение, она прикусила язычок в отличие от других заговорщиц.

– Разумеется, это чистый абсурд! Притворяться мужчиной! Впрочем, ей это легко удалось: недаром у нее такое грубое загорелое лицо!

Страстно желая защитить ту, которую они так яростно чернили, Макс с усилием стиснул зубы. Да, золотистая кожа Каро Иверс ничуть не напоминала молочно-белый идеал, которого пытались добиться английские красотки, но он находил ее куда более привлекательной.

– Она не более смугла, чем любой, кто живет на средиземноморском острове!

– Так вы знаете ее, мистер Лейтон?

Слегка улыбнувшись, он бросился на защиту Каро:

– Да, я имел огромное удовольствие и счастье познакомиться с мисс Иверс в прошлом году, когда она спасла жизнь одному из моих лейтенантов. Мало того, я считаю ее самой выдающейся из всех моих знакомых дам.

Щебет красавиц мигом смолк.

– А теперь, леди, прошу меня извинить, – с коварной улыбкой продолжил он. – Я должен поскорее поздороваться с мисс Иверс.

Игнорируя досадливые взгляды леди и негодование блондинки, Макс резко повернулся и направился туда, где сидела Каро Иверс, погруженная в беседу с леди Хеннесси.

Очевидно, в Лондон ее привело неотложное дело, и ему не терпелось узнать, какое именно. И еще Макс очень хотелось узнать, тлеют ли еще искры того огня, который когда-то пылал между ними.

Он не спускал с нее взгляда и очень обрадовался, заметив, как она застыла, когда подняла голову и увидела его.

Ее серые глаза были такими же огромными и светящимися, как он помнил. Словно серебряный дым... И те же самые черты лица, носившие отпечаток интеллекта и твердого характера. Может, ее нельзя назвать ослепительной красавицей, но она неотразимо привлекательна, и это главное.

Макс поклонился хозяйке дома, но обратился к Каро:

– Добрый вечер, мисс Иверс. Я и не надеялся, что буду иметь счастье вновь встретиться с вами.

Каро озабоченно нахмурилась, словно припоминая:

– Мы знакомы, сэр? О да, майор Лейтон... если не ошибаюсь?

Его брови изумленно взметнулись вверх. Макс беззастенчиво уставился на нее, гадая, действительно ли она забыла, как его зовут, или просто разыгрывает фарс для любопытных сплетников.

Макс, в свою очередь, изобразил страдальческую гримасу.

– Вы раните меня в самое сердце, мисс Иверс, если даже имени моего не помните.

Каро чопорно поджала губы.

– О, помню, и довольно хорошо, мистер Лейтон. Да и как не помнить, если светская хроника полна историй о ваших любовных похождениях!

Леди Хеннесси издала звук, подозрительно напоминавший смешок, но Макс проигнорировал ее и, с подчеркнутой галантностью взяв руку Каро, нагнулся над ней и прижал губы к затянутому в перчатку пальчику. Ему не терпелось посмотреть на ее реакцию.

Она ошутимо вздрогнула, и, когда их взгляды встретились, что-то жаркое и первобытное промелькнуло между ними. Ее взгляд скользнул ниже, по его губам, и Макс ясно понял, что Каро Иверс не забыла его.

Жаркая волна чисто мужского торжества нахлынула на него, хотя Каро спокойно отняла руку.

– Собственно говоря, я как раз собиралась найти вас, – сообщила она. – Торн просил передать вам свои извинения. Его вызвали по срочному делу. Он сожалеет... – она красноречиво глянула в сторону стайки дам, только что покинутых Максом, – что пришлось оставить

вас в нежных ручках ваших обожательниц. А теперь... – Она поднялась. – Надеюсь, вы извините меня, мистер Лейтон. Я проделала долгое путешествие, а завтра мне предстоит еще одно.

Она снова наклонилась и поцеловала леди Хеннесси.

– Спасибо, миледи. Торн будет благодарен, услышав, что вы освободили его от данного слова.

Вдова с притворной строгостью покачала головой:

– Меня не одурачишь, милая. Я вижу его насквозь. У Торна не хватило храбрости встретиться со мной лицом к лицу, поэтому он лестью и уговорами заставил тебя выступить на его защиту.

Каро улыбнулась.

– Верно, но каждый отступил бы перед столь грозным противником, как вы, миледи, – заверила она и, повернувшись к Макс, кивнула в сторону соборных дам, все еще наблюдавших за ними: – Возможно, вам стоит вернуться к вашим поклонницам. Они с нескрываемым нетерпением ожидают вас. Доброй ночи, мистер Лейтон.

Макс не тронулся с места, наблюдая за ней. Кажется, от него только сейчас бесцеремонно отделились. Такого с ним еще не бывало. Отвергнут единственной женщиной, с которой хотел быть рядом! И ее холодность произвела на него обратный эффект, возбудив не только первобытное мужское желание преследовать ускользающую добычу, но и еще более глубокую потребность завладеть и не отпускать.

У него есть права на Каро Иверс независимо от того, сознает это она или нет.

Леди Хеннесси, украдкой поглядывая на него, снова хмыкнула:

– Возможно, вы уже успели обнаружить, что Каро мало напоминает обычных молодых леди из общества.

– Вы совершенно правы, – сухо признал Макс.

– Она презирает балы и другие развлечения света. Сомневаюсь, что она сегодня еще раз спустится вниз. Скорее всего спрячется в своей комнате и уткнется в один из этих кошмарных медицинских учебников. – Глаза леди расчетливо блеснули. – Ей отвели прежнюю комнату. Если хотите поговорить с ней, мистер Лейтон, боюсь, придется идти туда.

Макс чуть приподнял губы в столь же расчетливой улыбке.

– Благодарю вас, миледи. Я как раз собирался именно так и поступить.

Глава 2

Нет, это просто абсурд! Одно присутствие Максвелла Лейтона – и она абсолютно выбита из колеи!

Каро поспешно выбралась из зала, хотя спину сверлил взгляд Лейтона, жаркий, как пламя, острый, как кинжал, что отнюдь не способствовало равновесию ее духа.

Добравшись наконец до своей спальни, Каро захлопнула дверь и бессильно прислонилась к ней в ожидании, пока голова перестанет кружиться, а стук сердца будет не столь оглушительным. Она надеялась, что их встреча пройдет куда спокойнее. Но теперь ясно, что ее надежды оказались бесплодными.

Почему он так действует на нее?

«Почему бы нет?» – отвечал внутренний голос.

Он не только герой, о котором мечтает любая женщина. Он – первый и единственный ее любовник. Он помог ей стать настоящей женщиной. Познать страсть. И вполне резонно, что она видит его в ином свете, чем любого другого мужчину. Что помнит его более ясно. Что всего лишь один взгляд поразительных синих глаз может заставить замереть ее сердце, а низ живота – пульсировать так отчаянно, словно там поселилась армия бабочек.

Заметил ли он ее реакцию? Она пыталась изобразить равнодушие, но удалось ли ей это? Особенно еще и потому, что она то и дело язвила насчет его обожательниц и, должно быть, выглядела в его глазах ревнивой ведьмой.

Но откуда в ней эта ревность? Боже, что с ней делается! Она не имеет никакого права! Ей нет места в жизни Макса Лейтона. Да он скорее всего и не захочет ее появления в своей жизни! Если бы не особые обстоятельства той дальней ночи, он бы и не взглянул на нее сегодня!

Потому что увидел ее такой, какая она есть на самом деле. Без очарования лунного света, без таинственной магии острова. Он не почувствует того же неистового притяжения, которое она до сих пор испытывала к нему. Да, на какой-то миг показалось, что он упивается ее видом. Но все это лишь причудливые грезы. Она просто ошиблась, приняв его взгляд за неистовый пыл, который воображала в самых потаенных фантазиях.

Преисполненная отвращения к себе, Каро со вздохом сняла ротонду. В камине разожгли огонь, на маленьком столике ее ждал легкий ужин, но она была слишком возбуждена, чтобы есть.

Ее чемодан уже успели принести наверх, и она подумывала было переодеться в ночную сорочку. Но вспомнила, что скоро должен прийти Торн. Более того, бал продлится еще несколько часов, а раздевшись, она почувствует себя совершенно беззащитной против прелестных дам в модных роскошных туалетах.

Каро рассеянно обошла комнату, но вынудила себя остановиться, заметив свое отражение в зеркале. Темно-каштановые волосы растрепались и рассыпались по плечам. Непокорные локоны успели вырваться из шпилек и вьющейся массой обрамляли лицо. Неудивительно, что все эти спесивые красотки с таким презрением смотрели на нее. Что он не сводил с нее глаз.

Ничего страшного: всего лишь еще одна черная метка в невидимой книге общества, где против ее имени и без того уже стояли десятки подобных.

Она решительно подошла к зеркалу, причесалась, налила себе чашку чаю и устроилась в большом кресле у огня с недавно опубликованным медицинским трактатом на коленях, хотя понимала при этом разве что одно слово из трех. Еще и потому, что мыслями постоянно возвращалась к Максиму Лейтону и той невероятной ночи, которую она провела в его объятиях.

Прошло около получаса, когда в дверь тихо постучали. Думая, что это Торн, Каро поднялась и, не спрашивая, кто пришел, распахнула дверь.

При виде гостя ее бросило сначала в холод, потом в жар.

– Вы исчезли прежде, чем я смог задать хотя бы один вопрос, – беспечно заметил Макс, вторгаясь в комнату без приглашения. – Я хотел узнать, как поживает лейтенант Йейтс.

Каро с трудом взяла себя в руки. Она не позволит ему снова лишиться себя равновесия, даже если он нагло ворвался в ее комнату! Слава Богу, что она не вздумала раздеться!

– Вы, несомненно, знаете о нем не меньше меня, мистер Лейтон! Джон сказал, что он регулярно пишет вам, как вы его и просили.

– Но я хочу услышать ваш отчет. Как еще иначе я могу проверить, правду ли он пишет, утверждая, что полностью оправился от раны?

Каро слегка расслабилась, поняв причину визита Макса. Он действительно волнуется и хочет узнать о своем бывшем подчиненном.

Она прикрыла дверь, оставив небольшую щель, чтобы соблюсти приличия.

– Джон Йейтс выздоровел и избавился от уныния и тоски, присущей людям, искалеченным войной. Его состояние куда лучше, чем можно было ожидать.

Макс рассеянно провел рукой по волосам.

– Я рад, что он пишет правду, а не просто старается меня успокоить.

Несколько секунд он внимательно рассматривал ковер, словно захваченный неким мрачным воспоминанием. Потом снова поднял голову, и ее сердце привычно затрепетало.

– А вы? Как живете вы?

Каро стиснула руки, чтобы он не заметил, как они дрожат.

– Спасибо, неплохо, – пробормотала она, решив умолчать о пропавшей подруге.

– Судя по тому, как вы спешили покинуть бальный зал, мне показалось, что я вас чем-то обидел.

На щеках Каро выступили красные пятна.

– О нет, никоим образом.

Он жадно пожирал глазами ее тело... губы... грудь... бедра... словно обнимая взглядом. Каро затрясло от возбуждения.

– Я не привык к тому, что женщины от меня убегают.

– Думаю, это так и есть, – усмехнулась она. – Скорее уж гоняются за вами. Судя по всему, вы главный брачный приз последнего десятилетия.

– Снова цитируете светскую хроникау? – сухо усмехнулся он.

– Именно. Даже до нашего острова доходят газеты, мистер Лейтон. Правда, месячной давности, но все же мы их получаем. Ваше имя связывалось с десятком богатых наследниц и титулованных леди, которым не терпится вас заполучить. На прошлой неделе это была европейская принцесса, верно? Сплетники пророчат, что объявление о помолвке очень скоро появится в «Таймс».

– Они ошибаются. Я не собираюсь жениться. А вы? – неожиданно осведомился он, окидывая ее задумчивым взглядом. – Вы хотите выйти замуж, мисс Иверс?

Каро, не ожидавшая столь странного вопроса, растерянно уставилась на него.

– Ни в коем случае.

– Прекрасно. Просто гора с плеч!

– Непонятно, с чего бы это вдруг?

Макс, не отвечая, направился к окну, откинул тяжелую штору и осторожно выглянул наружу.

– Надеюсь, вы не возражаете, если я ненадолго найду здесь убежище?

– Вряд ли это прилично, – поколебавшись, ответила она. – Все-таки это моя спальня.

Макс, обернувшись, оперся плечом об оконную раму и продолжал молчать. Но при этом, подняв брови, изучал ее, всем своим видом словно говоря: «Мы с тобой были в куда более интимной обстановке, чем твоя спальня!»

– Вас так волнуют правила приличия? – осведомился он наконец. – Судя по слухам, вы при каждом удобном случае выказываете полное пренебрежение любыми правилами приличия.

Настал черед Каро опровергать сплетни.

– Всего не при каждом удобном случае! Насколько я поняла, вас уже просветили, объяснив шокирующие детали моего лондонского сезона, – сухо бросила она.

– Представьте, я не был так уж шокирован. Похоже, вашим главным преступлением было изучение человеческих внутренностей. А уж этого я насмотрелся во время войны столько, что меня ничем не проймешь.

– Но я женщина, – парировала Каро, не в силах скрыть язвительные нотки. – Светское общество считает возмутительным, если женщина пытается сделать для пациента нечто большее, чем пичкать его заливным из телячьей ножки.

– Нет, вы и в самом деле преступница, – ухмыльнулся он.

На миг забыв о привычной сдержанности, она выдавила улыбку.

– Почему бы вам не вернуться на бал, к вашим поклонницам? Уж поверьте, они поведают обо мне истории, леденящие кровь.

Макс покачал головой:

– Бьюсь об заклад, они ничего не знают о настоящей мисс Каро Иверс. Например, то обстоятельство, что вы любите купаться при лунном свете.

У Каро перехватило дыхание.

– Вам действительно не следует оставаться здесь, мистер Лейтон.

– Но почему?

Не дождавсь ответа, он медленно пересек комнату и встал прямо перед ней. Так близко, что Каро поспешно отступила. И, как выяснилось, зря, потому что нечаянно уперлась спиной в дверь, каковая тут же, щелкнув, закрылась.

– Ты боишься меня? – спросил Макс, и его тихий голос показался более интимным, чем прикосновение рук к обнаженной коже.

– Конечно, нет. Но мне кажется, что вы по какой-то причине пытаетесь меня запугать.

– О, пустая трата времени, – улыбнулся он. – Всякому ясно, что такую женщину запугать не просто.

– И это совершенная правда. Но я все же предпочла бы, чтобы вы ушли.

– А в ту ночь тебя не волновали приличия.

– В какую ночь?

– Опять притворяешься, что не помнишь?

Не отводя взгляда от ее лица, он шагнул еще ближе и коснулся ее губы подушечкой большого пальца.

Каро лихорадочно втянула в себя воздух. Еще бы не помнить! Все это время он присутствовал в ее снах. Даже днем она иногда мечтала...

– Вряд ли ты забыла о той ночи, – усмехнулся он. – Я уж точно не забыл.

Она не могла лгать так дерзко... но по крайней мере... притвориться вполне способна.

– Нет, не забыла. Довольно... интересные впечатления.

– Всего лишь интересные?

Полная решимости противиться этому нелепому притяжению, Каро отошла к столу, где лежал ее чемодан, и принялась деловито складывать шаль.

– Вы задаете слишком много нескромных вопросов, – заметила она.

– Тогда ответь на один. Почему ты отдалась в ту ночь мне, незнакомому человеку?

Каро раздраженно поджала губы, но продолжала играть роль.

– Пожалела вас. Просто пожалела.

Брови Макса взлетели вверх.

– Пожалела?

– Вам было больно. Вы нуждались в утешении.

– И поэтому ты пожертвовала собственной девственностью? – саркастически бросил он. – Скажи, ты каждого чужака утешаешь подобным образом?

– Разумеется, нет, – выдохнула она.

– Разумеется. Я был твоим первым любовником. Некоторые мужчины терзались бы угрызениями совести, лишив тебя невинности.

– У вас нет причин чувствовать себя виноватым, – возразила Каро. – Я, и только я, несу ответственность за все, что случилось между нами. Это я... настояла...

– Насколько припоминаю, я не слишком противился, – сухо перебил Макс. – Не пойму лишь, почему именно ты настаивала. Потому что ты целительница и хотела меня исцелить?

– Не только. – Она отвела глаза, не в силах выдержать его настойчивого взгляда. – Я еще тогда сказала, что хочу познать истинную страсть. Читала в медицинских учебниках о... соитиях... и мне стало любопытно...

В доказательство она вынула из чемодана тяжелый том в кожаном переплете и протянула ему.

Макс, однако, намеренно проигнорировал книгу и снова надвинулся на Каро. Той потребовалась вся сила воли, чтобы остаться на месте и не сбежать с позором и стыдом.

– И я удовлетворил твое любопытство? – внезапно охрипшим голосом осведомился он.

– Полагаю, что так.

О, какое невероятное преуменьшение! Страсть опустошает куда сильнее, чем она ожидала. По крайней мере страсть с этим мужчиной.

Он, казалось, ощущал то же самое, потому что тихо заверил:

– Поверь, я никогда не испытывал ничего подобного, как в ту ночь.

Она попыталась что-то сказать, но он приложил палец к ее губам:

– Только не тверди, что это магические чары острова. Это было нечто большее. Гораздо большее.

– Возможно, вы правы, – осторожно обронила она. – Слишком много смертей вы видели и нуждались в мире и тишине. Физическая страсть – один из способов бросить вызов смерти, удостовериться, что ты жив. А интим – естественное средство утешения. В ту ночь вы искали это утешение. Несколько моментов тепла и близости с другим человеческим существом – вот что было тогда главным.

– И откуда вы набрались столько мудрости? – поинтересовался он с веселым восхищением.

Она неловко передернула плечами:

– Дело не в мудрости. Я попросту практична. И хочу, чтобы вы знали... может, я не совсем обычная женщина, но все же не из тех, кто легко отдается незнакомым мужчинам.

– Конечно, нет. Иначе вы не были бы невинны. Он явно дразнит ее! Что тут смешного?

Но Каро не знала, куда деваться от смущения.

Макс несколько секунд изучал ее, прежде чем кивнуть.

– Кажется, я вижу, в чем проблема. Его туманное замечание смутило ее.

– Какая проблема?

– Ты смущена случившимся. Не стоит. В ту ночь ты спасла мне жизнь, ангел.

– О чем это вы?

– Ты понятия не имеешь, верно? – Подняв руку, он осторожно отвел с ее лба прядь волос. – Скажем так: ты облегчила мне возвращение на фронт. Если бы не ты, мне пришлось бы куда труднее.

Она едва не отшатнулась при виде выражения его глаз. Почти... почти чувственного. Ни один мужчина не смотрел на нее вот так. С желанием. Кроме Макса. Кроме Макса в ту ночь...

– С тех пор ты не даешь мне покоя, – просто ответил он едва слышным шепотом.
«Ты тоже не давал мне покоя...»

Каро пыталась сглотнуть, но не смогла. И язык ей не повиновался. Не дождавшись ответа, он медленно потер большим пальцем ее скулу и опустил взгляд к ее талии.

– Ребенка не было?

– Н-нет, – выдавила она.

– Я часто думал об этом.

Он снова шагнул вперед, так что их тела почти соприкоснулись.

Господи Боже, да он опасен, а его прекрасное лицо, синие глаза, чувственный рот сводят ее с ума.

Каро, затрепетав, зажмурилась. От его близости кружилась голова. Она ощущала тепло его тела, помнила поцелуи, все еще горевшие на губах, ласки, касания... чувствовала, как он вонзается в нее...

Святые небеса, она не может, не имеет права предаваться этим сладостным воспоминаниям!

Каро с протестующим возгласом прижала ладони к груди Макса, пытаясь его оттолкнуть, а сама выскользнула, подбежала к камину, подальше от угрозы его объятий, и поспешила встать за спинкой кресла.

Макс молча наблюдал за ней, удивляясь такой пугливости. Не думает же она, что он может причинить ей зло? Нет, скорее всего она просто стыдится, тем более что не ожидала увидеть его. Он сильно подозревал, что Каро Иверс не собирается оставаться такой же беззащитной, как в ту ночь. И сейчас он распознал искру застенчивости в ее светящихся серых глазах. До чего же она уязвима!

Но и он становился столь же уязвимым в ее присутствии. Таких отношений у него еще не было ни с одной женщиной, кроме Каро.

И ни одна так не интриговала его, как эта. До чего же удивительно, что ее приходится добиваться. Не то что здешние красотки, которые видят в нем добычу. Но и это не объясняло полностью его безумное влечение к ней. С той самой ночи его желание ничуть не уменьшилось... мало того, только усилилось.

Да, может, он сошел с ума и потерял голову. И не стеснялся признаться в этом. Он знал ее всего несколько дней, с тех пор прошло больше года, но потребность сделать ее своей горела в душе ярким пламенем. И теперь, снова найдя, он не собирался ее отпускать.

Но и все козыри выкладывать на стол не хотел.

– Ты упомянула, что завтра отправляешься в долгое путешествие. Не слишком ли рано? Ведь ты только что приехала.

Кажется, она обрадовалась перемене темы.

– Я выполнила все, зачем приехала сюда.

– И что именно это было?

Как ни странно, она не спешила отвечать.

– Собственно говоря... я приехала за Торном, – нерешительно пробормотала она наконец. – Моя лучшая подруга попала в беду.

– И он может помочь?

– Очень на это надеюсь.

– Насколько я знаю, Торн работает на министерство иностранных дел.

Каро удивленно уставилась на Макса.

– Откуда вы знаете?

– Он сам сказал.

Каро нахмурилась, не понимая, почему Торн так откровенен с этим человеком. Все «хранители» обычно пользовались этой легендой, чтобы объяснять посторонним свою тайную дея-

тельность. Сама леди Хеннеси была твердо уверена, что ее племянник – один из главных лондонских представителей сэра Гавейна Олуэна.

Собственно говоря, это даже не было ложью. Теоретически, все «Хранители меча» были подотчетны британскому министерству иностранных дел. Официально сэр Гавейн возглавлял один из отделов министерства, и его работа считалась одной из самых секретных на службе правительства. Но очень немногие знали, сколько на самом деле агентов было под его началом. И только двум из этих избранных было известно, как основывался орден и как глубоко проникли его «хранители» в современное британское и европейское общество.

Причина такой секретности была крайне веской, поскольку именно секретность считалась основой успешных операций.

Каро хотела что-то ответить, но раздавшийся стук заглушил ее слова.

– Это, должно быть, Торн, – пробормотала она, подходя к двери.

В руках Торна был кожаный мешок, наверняка содержавший депеши для сэра Гавейна. Он вручил ей мешок, но прежде, чем успел что-то сказать, она показала на первого гостя.

Заметив Макса, Торн остановился и удивленно выгнул бровь.

– Мистер Лейтон уходит, – объявила Каро.

– Как ни тяжело мне противоречить леди, все же придется. Я никуда не собираюсь уходить, – дружелюбно заметил Макс. – Я как раз собирался узнать, в какую ужасную беду попала подруга мисс Иверс и почему тебя призвали на помощь.

Торн долго колебался, переводя взгляд с Каро на Макса.

– Леди Изабелла Уайлд, – выговорила она, наконец. – Вы ее знаете?

– Нет, только слышал. Она была в отъезде, когда я в прошлом году гостил на Кирене. Эксцентричная богатая вдова.

– Эксцентричной ее не назовешь, – вступилась Каро за подругу. – Просто любит путешествия и меньше скована условностями, чем большинство женщин. Ее отец – граф Аранда, он был одним из самых влиятельных испанских министров.

– Именно из-за своей любви к приключениям Белла не раз попадала в переплет, – добавил Торн. – Просто на этот раз положение серьезнее, чем обычно. Ее судно скорее всего захвачено берберскими пиратами...

Он наскоро рассказал Макс, что произошло, не утаив и того, что Изабеллу, возможно, продали в рабство.

Откровения Торна удивили Каро. Она не видела причины делиться подробностями с Максом, тем более что исчезновение Изабеллы его не касается.

Она также не могла понять, почему Макс упорно не желает покинуть ее спальню. Любой джентльмен давно бы понял намек и вежливо распрощался. Но Макс Лейтон, очевидно, не обычный джентльмен. Уж очень привык командовать и требует беспрекословного подчинения. И в отличие от нее его положение было достаточно высоким, чтобы он мог спокойно игнорировать правила и законы высшего общества, не навлекая на себя позора и не вызвав скандала.

– Значит, вы намереваетесь искать леди Изабеллу? – уточнил наконец Макс.

– Да. Завтра на рассвете я отправляюсь в Алжир. Тем временем нескольких друзей Изабеллы вызвали на Кирену на случай, если придется организовать спасательную экспедицию. Пока они соберутся, может пройти несколько недель, но к тому времени я надеюсь получить точную информацию о ее местонахождении.

– Возможно, и я смогу помочь, – протянул Макс.

– Ты? Ты хочешь все здесь бросить и помочь нам? – удивился Торн.

Макс кивнул.

– Несколько раз за свою военную службу мне удалось организовать освобождение взятых в плен британских солдат. Буду счастлив поделиться с вами своим опытом.

– Вам не стоит приносить такую жертву, мистер Лейтон, – поспешно вмешалась Каро. – Вы только недавно вернулись к мирной жизни, и мы слишком много потребуем от вас, позволив ввязаться в очередной конфликт.

Макс устремил на нее взгляд:

– Вы спасли моего лейтенанта. Я попробую вернуть долг, сумею спасти вашего друга.

– Он прав, любовь моя, – поддержал Торн. – И насколько мне известно, Макс – блестящий тактик. Он может стать ценным приобретением в любом предприятии подобного рода.

Каро нахмурилась, пораженная тупостью Торна. Только при условии полной секретности «хранители» способны действовать наиболее эффективно. Если в этом деле будет участвовать Макс, вряд ли существование ордена останется для него тайной. И только сэр Гавейн имеет право решать, кого удостаивать доверием.

– Думаю, ты забываешь нелюбовь сэра Гавейна к участию чужаков в подобных предприятиях, – многозначительно подчеркнула Каро.

Торн широко улыбнулся:

– В этом случае я уверен, что сэр Гавейн меня простит. Макса не зря считают героем войны. Ему не раз приходилось выходить победителем в битвах, когда враг превосходил его не только численностью, но и вооружением. Именно его усилиями война закончилась гораздо раньше, чем могла бы. Нам нужны люди с его талантами и острым умом.

Каро вскинула брови, пытаясь заставить Торна понять ее тревоги.

– Можно поговорить с тобой наедине?

– В этом совершенно нет нужды, любимая. Мы можем спокойно говорить в присутствии Макса. Для того чтобы участвовать в спасении Изабеллы, ему совершенно не обязательно работать в министерстве иностранных дел. Не сомневаюсь, что рано или поздно сэр Гавейн захочет завербовать его, но пока что он может просто присоединиться к нам как гражданское лицо.

Каро неохотно признала, что Торн, должно быть, прав. Макс совершенно не обязательно рассказывать о «хранителях». Достаточно объяснить, что у Изабеллы есть защитники, исполненные решимости спасти ее. И любой новичок должен показать себя в деле, прежде чем получить приглашение вступить в орден. Торн явно увидел для Макса возможность доказать, на что тот способен. А вот Каро сильно сомневалась, что Макс Лейтон захочет посвятить жизнь их деяниям. Но вряд ли стоит обсуждать это, когда он стоит прямо перед ними, с живым интересом прислушиваясь к спору.

– Все очень просто, – пояснил Торн. – Макс может сопровождать тебя на Кирену и поселиться в твоём доме, пока мы не вернем Изабеллу.

Каро продолжала колебаться. В ней росло внутреннее сопротивление. Макс, разумеется, будет крайне ценным приобретением. И она не позволит своим личным чувствам мешать достижению общих целей.

И все же она предпочла бы вообще не иметь дела с Максом. Не была готова к сложностям, ожидающим ее по пути на остров. Он будет слишком отвлекать ее от главной задачи. Недаром стоит ему подойти ближе, как она смущается, краснеет и теряет голову. Если же он будет ее сопровождать, вряд ли она сумеет совладать со своими нервами.

Более того, она не собирается снова соблазнять его так глупо и дерзко, как в прошлый раз. И снова переживать чувство невыразимой потери после его ухода.

Но может ли она высказать эти доводы вслух?

– Все равно не думаю, что его участие – такая уж хорошая идея, – пробормотала Каро.

– Почему нет? – с любопытством спросил Макс.

– Прежде всего я никогда не прощу себе, если с ним случится несчастье.

– Сомневаюсь, что опасности могут хотя бы отдаленно сравниться с той, что встречались во время войны.

– Но экспедиция в Берберию связана с риском для жизни.

– Я готов попробовать. И хотя я не особенный поклонник приключений и авантур, все же немного отвлекаться не помешает. Вся эта привольная гражданская жизнь начинает действовать мне на нервы.

– Хотите сказать, что находите ее унылой и скучной? – мило осведомилась Каро.

– Что-то в этом роде, – сухо согласился Макс.

– В таком случае, уверяю, вы не захотите оказаться на нашем крошечном острове. Наше общество ужасно отсталое по сравнению с лондонским. Вы найдете мало удобств, к которым привыкли, а уж о светской жизни *к* говорить нечего. И скоро затоскуете по цивилизации, какой вы ее привыкли видеть. Кроме того, ряды поклонниц, готовых пасть к вашим ногам, значительно поредеют.

От его медленной улыбки у нее привычно сжалось сердце.

– Откровенно говоря, это основная причина моего отъезда. Здесь так и кишат заботливые маменьки, которые уже точат на меня ножи. Участие в вашем приключении даст мне хороший повод ускользнуть от молодых барышень, которые спят и видят, как бы потащить меня к алтарю.

– Совершенно верно, – хмыкнул Торн. – И я уверен, что Макс не упустит случая насладиться миром и покоем. Более того, – Торн пронзил Каро строгим взглядом, – ты, моя милая озорница, сама не прочь немного отвлекаться. Общество Макса поможет хоть ненадолго забыть о судьбе Беллы. Может, он даже сумеет вытащить тебя из твоей раковины.

Каро сердито нахмурилась:

– Нет у меня никакой раковины.

– Есть, любовь моя. И бьюсь об заклад, она стала еще толще в мое отсутствие, поскольку некому в нее стучаться и терзать тебя. Ты нуждаешься в ком-то вроде Макса, чтобы постоянно дразнить тебя и не давать покоя.

– Твое отсутствие было приятной передышкой, можешь в этом не сомневаться, – парировала Каро.

Макс наблюдал за их дружеской перепалкой: ее серые глаза сверкают, щеки покраснелись... и невыразимое желание вместе с прежним влечением охватило его.

Такая реакция удивляла. Последний, кошмарный год войны он провел в мечтах об этой женщине, но считал ее своим ангелом-хранителем, а не предметом желания. Не ожидал, что его ощущения будут такими... плотскими. Не ожидал, что чувственный голод разгорится так жарко.

Всего несколько минут назад, подойдя достаточно близко, чтобы коснуться Каро, он испытал всепоглощающую потребность поцеловать ее, ощутить вкус нежных губ, вонзиться как можно глубже в тесное тепло. Даже теперь его чресла оставались напряженными.

Его больно уязвило заявление Каро, что их любовные ласки были не чем иным, как способом удовлетворить любопытство, хотя сам Макс подозревал, что та ночь значила для нее больше, чем она была готова признать.

Его также задевала ее близкая дружба с Торном. Ни одна женщина не вызывала в нем такого свирепого укола ревности.

Кроме того, Макса поражала его собственная готовность сопровождать ее на Кирену. Не хватало еще, чтобы война снова напомнила о себе в образе очередной спасательной экспедиции. Но он в большом долгу перед Каро не только за спасение лейтенанта, но и за сохранение его собственного рассудка.

И теперь даже артиллерийская канонада не смогла бы удержать его от поездки на остров.

Он мог лгать себе и предлагать кучу доводов, чтобы оправдать свое решение. Но может, жизнь среди золотистой безмятежности острова поможет ему найти покой, которого он по-прежнему был лишен.

Но про себя он точно знал, что причина его возвращения куда серьезнее: это его шанс обнаружить, действительно ли волшебство, которое осветило ту ночь с Каро Иверс, настоящее, или это просто временные чары, наведенные красотой острова, те чары, которые не выдержат первых лучей солнца.

Сколько месяцев он провел, преследуемый ее образом! И если упустит ее сейчас, всю жизнь будет мучиться сознанием, что, возможно, совершил фатальную ошибку.

Он должен вернуться, только чтобы доказать себе, что ее странная власть над ним может быть разрушена. Что легендарная сила острова – не более чем миф.

Теперь он наверняка сможет изгнать Каро из своих мыслей, грез и снов и начать новую жизнь.

Остается убедить ее согласиться с его присутствием. Она, очевидно, вовсе не желает капитулировать.

Он вскинул голову, и их взгляды скрестились.

– Мне показалось, вы утверждали, что не боитесь меня, мисс Иверс.

Гневный блеск в ее глазах был свидетельством того, что он попал не в бровь, а в глаз.

– Я не боюсь вас!

– В таком случае не понимаю причины ваших возражений.

– Прекрасно, – бросила она, не скрывая раздражения. – Можете ехать, если хотите. Я бы заручилась пособничеством самого дьявола, если бы он помог мне найти Изабеллу.

Макс невольно улыбнулся:

– Вы ставите меня на одну ногу с дьяволом?

– По крайней мере, начинаю так думать, – отрезала она, вызывая подбоченясь. – Конечно, мы должны быть благодарны за любое содействие, которое вы можете нам оказать, но прошу не винить меня, если будете умирать от скуки.

– Подозреваю, что скука окажется наименьшей из моих тревог, – пробормотал Макс себе под нос, тщательно скрывая свое торжество при виде капитуляции Каро.

– Значит, договорились, – удовлетворенно объявил Торн. – Вы оба завтра отплываете на Кирену.

В этот момент Макс ощутил, как мышцы живота судорожно сжались. Он знал, что это такое, нечто подобное случалось с ним перед каждым сражением: тело сковано напряжением, нервы гудят предвкушением боя, возбуждением, страхом.

Восторг опасности. Предчувствие поражения.

Макс продолжал смотреть Каро в глаза, наслаждаясь пляской гневных искорок. И все же он вполне представлял всю трудность задачи. В нем росла странная уверенность, что эта битва будет куда важнее, чем все, которые он вел до сих пор. Именно ее было действительно необходимо выиграть.

Глава 3

Обратное плавание оказалось именно таким беспокойным, как и предвидела Каро. Вынужденная близость с Максом Лейтоном то и дело воскрешала воспоминания о его прошлом посещении острова. О трех напряженных днях, которые они провели, сражаясь за жизнь человека. Об их безумной, чарующей ночи страсти. О горьковато-сладкой боли, которую она еще долго испытывала после того, как Макс исчез из ее жизни.

К досаде Каро, все мечты о нем вернулись с новой силой, а вместе с ними – чувственные фантазии, будившие в ней жажду, голод и мешавшие спокойно дышать. И хуже того: путешествие давало ему слишком много возможностей пытаться проникнуть в ее секреты, а ей – волей-неволей узнать кое-что о нем.

Но разве можно было его игнорировать, тем более что они были единственными пассажирами частной шхуны. Обедали в капитанской каюте вместе с офицерами, но, даже не оставаясь наедине с Максом, Каро находила его присутствие раздражающим, особенно в такой тесноте.

Сначала она пыталась скрываться в своей крохотной каюте, но к середине следующего дня тоска и скука выгнали ее на палубу, под порывы ледяного морского ветра, навстречу возможности встретить Макса. Как-то она увидела его у самого борта. Он стоял, опершись о поручни, словно сражаясь с ритмичным раскачиванием судна, разрезавшего серые волны. Каро опять разволновалась, вспомнив об их ночи в руинах, когда Макс смотрел на залитое лунным светом море.

Он неожиданно повернулся и встретился с ней взглядом, и Каро обдало привычным жаром.

Проклиная свое достойное всякого порицания влечение к нему, Каро нашла капитана и потребовала дать ей какое-то занятие, в надежде хоть ненадолго забыть о неотразимом мужчине с угольно-черными волосами, а заодно и о судьбе Изабеллы.

Краснощекий, дородный, уже немолодой капитан Биддик вот уже много лет был «хранителем» и вместе с Каро выполнял бесчисленные поручения. Поэтому он не только нагрузил ее бесконечной работой наряду с остальными членами команды, но и стал обучать основам судовождения и штурманского дела.

В эту ночь, когда она училась пользоваться секстантом, Макс нетерпеливо бродил по корме шхуны. К ее удивлению, он казался таким же беспокойным, как она сама.

Однако ей целых два дня удавалось избегать разговора с глазу на глаз. Третий день выдался хмурым и холодным, так что Каро нашла местечко с подветренной стороны шпангоута и принялась чинить парус.

Через несколько минут где-то справа послышался странный глухой стук. Когда стук повторился несколько раз, Каро отложила шитье и пошла посмотреть, в чем дело, осторожно шагая по палубе, огибая ящики с грузом. И остановилась, заметив Макса у бизань-мачты. Каково же было ее удивление, когда Каро заметила блеск стали в поднятой руке. Лезвие ножа сверкнуло, разрезая воздух, и вонзилось в бочонок, стоявший ярдах в десяти от мачты.

Значит, он упражняется в метании ножа! Бочонок, должно быть, пуст, поскольку жидкость оттуда не вытекала, хотя с каждым броском лезвие погружалось все глубже.

Каро словно приросла к месту, не сводя глаз с Макса. Тот устремился к бочонку, вытащил нож, вернулся на прежнее место и снова размахнулся. И продолжал в том же ритме, вроде бы даже не целясь. Но его убийственная точность завоевала ее невольное восхищение.

Так прошло минут пять, прежде чем он заметил ее присутствие и, взвешивая на ладони нож, окинул ее пронзительным взглядом.

– Интересно, знает ли капитан, что вы проделали кучу дыр в его бочонке с бренди? – поинтересовалась Каро, выходя из тени.

- Собственно говоря, это мой бочонок с бренди. Я выиграл его в карты у Биддика.
- Что же, достойная победа. Его не так-то легко обыграть.
- Губы Макса скривились в улыбке, от чего ее сердце болезненно встрепенулось.
- Но я и сам немало наловчился во время бесконечной кампании на Пиренейском полуострове.
- Хороший способ развеять скуку?
- Отчасти.
- Вы прекрасно владеете ножом. Макс опустил глаза.
- Это всего лишь... хобби.
- Хобби? Метание ножей?
- Помогает убить время, – равнодушно бросил он.
- Я предупреждала, что путешествие крайне утомительно.
- Совершенно верно, – кивнул он, задумчиво прищурился. – Все эти дни я наблюдал за тобой, ангел. Ты не находишь себе места, как кошка перед грозой.
- Потому что тревожусь за Изабеллу.
- И это единственная причина? – допытывался он, вскинув брови. – Скажи, это игра моего воображения, или ты избегала меня с той минуты, как мы покинули Англию?
- Не понимаю, о чем это вы, мистер Лейтон, – с вымученной улыбкой увильнула Каро от ответа.
- Макс. И не пойму, почему ты обращаешься со мной как с незнакомцем.
- Но вы и есть незнакомец.
- Когда-то мы были любовниками. Думаю, это нечто большее, чем просто знакомые.
- Каро тихо охнула и бесстыдно уставилась на полные, чувственные губы Макса, вспоминая, как их влажный жар опалил ее груди. Резкое, мучительно острое желание словно прострелило ее лоно.
- Она глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.
- Та ночь, очевидно, была ошибкой.
- Только не с моей точки зрения, – возразил Макс, небрежно сунув нож в карман куртки, после чего перевернул два бочонка и устроился на одном, облокотившись на переборку. – Расскажи о леди Изабелле.
- Каро, чуть поколебавшись, присоединилась к нему. К собственному удивлению, она вдруг обнаружила, что хочет объяснить Макс, почему готова сделать все, чтобы спасти Изабеллу, и как случилось, что они так крепко сдружились.
- Моя мать умерла, когда мне было восемь лет. Белла была нашей ближайшей соседкой. Она в основном и вырастила меня, хотя постоянно твердила, что лишена материнского инстинкта. Дело в том, что мой отец почти постоянно был в отлучке. А Изабелла только после смерти второго мужа стала путешествовать по всему миру в поисках приключений.
- Значит, ты всегда жила на Кирене?
- Не всегда. Мои родители приехали туда, когда я была совсем маленькая. У матери были слабые легкие, и доктора считали, что теплый климат ей поможет. Он и помог, но недостаточно. – Каро грустно улыбнулась. – Собственно говоря, чахотка, убившая мать, и была основной причиной моего интереса к медицине.
- И твой отец тебя в этом поддерживал?
- Полностью. Он был рад, что у меня есть занятие.
- Но почему он так часто уезжал?
- Различные дипломатические поручения для министерства иностранных дел, – ответила она фразой, специально изобретенной для посторонних. – Он так тяжело пережил смерть матери, что с головой ушел в работу. А когда мне было шестнадцать, его убили...

Каро внезапно осеклась. Отец погиб во Франции, выполняя поручение «хранителей», после чего она заняла его место в ордене. Но о подробностях его смерти лучше умолчать: Макс слишком умен, чтобы не заподозрить неладное.

Не дождавшись продолжения, он задал еще один нескромный вопрос:

– И все же на время сезона ты жила у тетки Торна. Как это получилось?

Слава Богу, он выбрал безопасную тему. Она может вспоминать о тех днях без горечи и обиды. Может даже посмеяться над собой, над наивным желанием стать одной из своих в этом спесивом, надменном обществе. Теперь их признание и одобрение казалось чем-то незначительным, вероятно, потому, что у нее было много куда более достойных способов занять время.

– Как ни странно это звучит, но мы с леди Хеннесси подружились, когда она приехала на остров в гости к Торну. К тому времени ее дочери были уже взрослыми, и думаю... она возмутилась, найдя меня столь провинциальной и лишенной светских манер, – сухо усмехнулась Каро. – Надеюсь, вы знаете, что леди Хеннесси одна из заправил общества?

– Разумеется, – кивнул Макс.

– Так вот, она твердо уверена, что у каждой молодой леди должен быть лондонский сезон. Она взяла меня под свое крылышко и предложила оплатить все расходы. Но именно Изабелла убедила меня отправиться в Англию. Она всегда презирала британское общество, но твердила, что я просто обязана расширить свой кругозор, прежде чем строить планы на будущее. Увидеть мир и уж только потом похоронить себя на острове. Она считала, что, если я увижу настоящую жизнь, сумею сделать лучший выбор.

Например, ни за что не становиться «хранителем»...

– Понимаете, все молодые леди на острове обязательно проводят в Лондоне хотя бы один сезон. Поэтому пять лет назад и я отправилась в Лондон вместе с двумя другими дебютантками и их семьями. Чем все это закончилось, вам известно. Скандалом.

– Из-за вашего нетрадиционного интереса к медицине?

Каро наморщила носик и кинула на Макса задорный взгляд.

– Совершенно верно. И, как вы уже успели заметить, во мне нет ничего чинного, приличного и скромного.

Глаза Макса весело сверкнули.

– Нет, скромность и чинность – не те качества, которыми отличается твой характер.

– Кроме того, я решительно отказывалась учиться всем женским искусствам, чтобы поймать достойного мужа. Поэтому, не желая и дальше подвергать леди Хеннесси публичному позору, я сократила свое пребывание в Лондоне. Но втайне была только рада поскорее вернуться домой, на Кирену, и работать с доктором Алленби. – Ее улыбка стала откровенно вызывающей. – И решила, что буду вполне счастлива доживать свои дни старой девой. Поверьте, я ни на секунду об этом не пожалела. Моя жизнь достойна и прекрасна.

И это было действительно так. Она делала все, что в ее силах. Отправлялась выполнять задания «хранителей» в том случае, когда срочно требовалась женщина или медик. Помогала стареющему доктору на острове, хотя вначале ей пришлось преодолевать предрассудки жителей острова, особенно мужчин.

Но теперь Макс снова смотрел на нее с этим странным выражением в глазах, словно никак не мог решить, чему верить, когда речь идет о таком создании, как Каро.

– И ты без сожалений оставалась незамужней все это время? – спросил он.

Каро кивнула. Она отказывалась выходить замуж по многим, достаточно серьезным причинам. И больше всего ее тревожило возможное требование мужа отказаться от столь необычных для леди занятий.

Каро вновь подняла глаза на Макса и сухо усмехнулась:

– Вряд ли какой-то джентльмен, считающий себя уважаемым и респектабельным, захочет иметь жену, которая каждодневно возится в крови и гное да еще и рассматривает обнаженные тела.

– Тут ты права, – признал Макс, согласно кивнув. – Но не думаю, что все мужчины будут возражать против твоего призвания.

Может, и нет. Но никто не потерпит такого опасного занятия, как служение ордену «хранителей». Да и она не рискнет открыть тайны ордена чужаку, даже если этот чужак – ее собственный жених или поклонник. Следовательно, обычные отношения между женщиной и мужчиной для нее невозможны. Она уже давно смирилась с тем, что никогда не будет вести нормальную жизнь.

– Большинство завидных женихов нашего острова не обладают настолько широкими взглядами, – беспечно бросила она. – А я никогда не захочу покинуть Кирену, чтобы жить в Англии.

Были еще и другие причины оставаться одинокой, кроме того факта, что любой мужчина хотел иметь примерную жену.

Каро, сама того не замечая, вскочила и глянула поверх поручня на серые воды Атлантического океана. Все мужчины, которыми она восхищалась и которых уважала достаточно, чтобы выйти за одного из них замуж, были «хранителями», и она относилась к ним скорее как к братьям, чем возможным женихам. Правда, втайне она всегда завидовала глубокой, беззаветной любви, выпавшей на долю ее родителей. Если она до сих пор не встретила такую любовь, к чему тогда выходить замуж? Кроме того, она больше не девушка, а джентльмены, как правило, высоко ценят девственность новобрачных.

Каро смущенно покраснела и снова уставилась на беспокойное море. За последние несколько дней пришлось вспомнить еще одну причину, по которой она намеревалась остаться одна. И эта причина – Макс Лейтон.

Он подарил ей невероятно чувственную ночь страсти и сознание того обольстительно могущественного влечения, которое может существовать между женщиной и женщиной.

Правда заключалась в том, что с тех пор, как она познала страсть этого мужчины, довольствоваться чем-то меньшим, не было смысла.

Она украдкой взглянула на него, любуясь прекрасными чеканными чертами его лица. Яростная нежность его ласк изменила ее. После их ночи становилось все труднее довольствоваться той жизнью, которую она вела. Макс пробудил в ней дремлющие до сих пор инстинкты. Обострил женские желания, от которых она так старалась отречься. Она даже позволила себе гадать, каково это – иметь мужа... семью... возможно, детей...

Пришлось с головой окунуться в работу, но иногда даже усталость не могла заглушить навязчивые мысли, затмить недозволённые образы.

А теперь она и вовсе была не в силах отделаться от Макса. Стоило ему подойти и встать рядом, как она полностью ощутила всю силу его могучего притяжения. Его близость волновала ее, будила чувства, заставляла кровь петь в жилах, наполняла ее потребностью... безумным желанием, которое она до этого познала всего однажды...

Каро изо всех сил сопротивлялась непрошеной волне эмоций, нахлынувшей на нее, и все же его небрежное замечание застало ее врасплох.

– Трудно поверить, что ни один мужчина не добивался тебя. Не хотел стать твоим любовником. Неужели все мужчины на Кирене слепы?

Каро сама не понимала, как ей удавалось казаться спокойной.

– Ни в малейшей степени. Они просто находят меня чересчур устрашающей, властной и независимой. Кроме того, большинство мужчин предпочитают определенный тип красоты. Я вряд ли соответствую их идеалу. Не бледна, не хрупка, не беспомощна, не величественна

и не могу похвастаться пышной фигурой. Я обнаружила, что многие мужчины восхищаются полногрудыми дамами.

– Я нахожу прелестной твою кожу, которую поцеловало солнце. И могу заверить, что у тебя изумительное тело.

Каро чуть свысока взглянула на него.

– Вам нет нужды осыпать меня пустыми комплиментами, мистер Лейтон.

– О нет, это не пустые похвалы. Я нахожу тебя невероятно желанной.

Она скептически усмехнулась. Макс не находил слов от изумления. Подумать только, Каро Иверс равнодушна к собственной красоте!

Верно и то, что она не соответствует нынешним идеалам женственности и красоты. Мало того, ее прямота и откровенность, а также естественность выделяли ее из сонма светских красоток. Фигура была стройной и гибкой, более мальчишеской, чем того допускала мода, тело – упругое и слегка мускулистое. И она не делала ничего, чтобы выгодно подчеркнуть свои преимущества, носила темные, простые платья и укладывала кудрявые непокорные волосы в строгий узел. Руки, хоть и мягкие, были сильными и умелыми, а не изящными и изнеженными.

Правду сказать, она разительно отличается от тех роскошных, элегантных женщин, которых он когда-то находил привлекательными. И все же, к собственному удивлению, он считал Каро красавицей. И необыкновенной личностью.

Под внешней сдержанностью таилось нечто неожиданное: неистовое, страстное и непередаваемо чувственное.

Волшебница, которую он познал в ту ночь на Кирене, была наделена чувственностью, которой он до этого не видел ни у одной женщины. Ее невинный, пылкий ответ на его ласки заставил Макса потерять голову. Даже сейчас, при одном воспоминании, его охватывал жар.

И она была храброй, отважной и негибкой – качества, которые он ранее считал присущими исключительно мужчинам. С самого начала он был поражен ее острым умом. И, что удивительнее всего, она придавала значение только действительно важным вещам. Главным для нее было спасти жизнь умирающего и выручить из плена подругу. Он подозревал, что Каро ничего не делает наполовину. Торн был прав, считая ее уникальной, особенной, единственной в своем роде.

Мысль о Торне, однако, вновь зажгла искру ревности в его груди.

– Что между тобой и Торном? – неожиданно спросил он. – Вы, случайно, не любовники?

Она растерянно моргнула от столь неожиданной смены предмета беседы, но, опомнившись, тихо рассмеялась:

– Господи, нет! Он считает меня кем-то вроде сестры.

– Значит, в твоей жизни нет другого мужчины?

Каро озадаченно нахмурилась:

– Почему вы спрашиваете?

– Я настолько собственник в душе, что хочу быть твоим единственным любовником, – очертя голову признался Макс.

И услышал, как она охнула, ошеломленно уставясь на него. Но довольно быстро пришла в себя, потому что надменно вскинула подбородок.

– Если вздумали использовать меня, просто чтобы провести время и найти лекарство от скуки, можете немедленно об этом забыть.

Макс покачал головой:

– Скука никогда не представляла для меня проблем. Во время войны я привык к долгим часам ожидания между битвами и научился такой добродетели, как терпение.

– Тогда что вы задумали? – прошипела она, зловеще прищурившись. – Собираетесь провоцировать меня, как предложил Торн? Заверяю, мне не требуется обольщение, чтобы отвлечь ох мыслей о судьбе Изабеллы!

– О нет, это не входило в мои планы, и все же я очень хотел бы вновь стать твоим возлюбленным!

– Почему? – вызывающе бросила она.

– Потому что после одной лунной ночи, – честно ответил Макс, – я одержим ангелом милосердия. И мне необходимо знать, реально ли то, что я испытываю к тебе, или всего лишь фантазия.

Каро долго недоверчиво молчала, прежде чем ответить:

– Говорю же, в ту ночь вас просто мучили ужасы войны.

– Может, и так. Но мой разум отчего-то отказывается соглашаться с логическими доводами. Как и мое тело. – Его взгляд упал на ее груди. – А твое?

«Да, конечно, да».

Она почти не контролировала чувственные реакции своего тела на его близость.

Макс, подняв глаза, удовлетворенно улыбнулся. Словно прочитал ее мысли!

Но девушка решительно покачала головой:

– Я прекрасно вас поняла, мистер Лейтон. Та ночь была всего лишь фантазией. На вас действовали чары Кирены. Потому вы нашли меня желанной... тогда... и потому ваше воображение сейчас сыграло с вами злую шутку.

Макс оперся локтями о поручень.

– Ты утверждаешь, что твой волшебный остров создал Аполлон, но это, разумеется, чистейший миф.

– Возможно, но я всегда находила его привлекательным. Кирена была водяной нимфой и принцессой, обожавшей охоту и борьбу со львами...

– Львами? – удивился Макс. – Действительно необыкновенное создание.

– Так оно и было. Аполлон увидел ее и влюбился, но когда она отвергла его, заколдовал уединенный остров, создав рай для влюбленных, где держал ее пленницей, пока она не полюбила его в ответ. И по сей день остров производит необыкновенное воздействие на всех, кто туда приезжает.

– Воздействие на простых смертных?

– Да. Он заставляет их ощущать страсть. Поэтому вы воображаете, что снова хотите стать моим любовником.

Макс взял Каро за локоть и повернул лицом к себе.

– Но в ту ночь ты испытала страсть, ангел?

Каро вспыхнула:

– Ну... да... но на меня действовали те же чары. Макс пристально всмотрелся в нее.

– Думаю, то, что мы испытали в ту ночь, не имеет ничего общего с какими-то чарами, – покачал он головой, подвигаясь ближе. – И я не верю, что ты так хладнокровна, как притворяешься.

Он неожиданно погладил ее по щеке, опалив Каро своим прикосновением. Она резко отпрянула.

– Мои ласки жгут, верно? – пробормотал он. Сжигают...

Каро вдруг представила сильные бронзовокожие пальцы, сжимающие ее белые груди в серебристом лунном свете.

– Ты помнишь? Помнишь мое вторжение? Помнишь, как я двигался между твоими бедрами? – едва слышно спросил он.

У Каро голова пошла кругом. Стоило представить мощную мужскую плоть, вонзавшуюся в нее, и она задохнулась. Но, отказываясь признать свою слабость, беспечно бросила:

– Я прекрасно помню ту ночь и вовсе не горю желанием ее повторить. Мне не нравится терять разум из-за минутного очарования.

От его медленной понимающей улыбки ее сердце застучало сильнее.

– Думаю, ты себя обманываешь.

– А я думаю, вы чересчур переоцениваете свою привлекательность.

Глаза Макса потемнели.

– Обещаю, что не дам тебе забыть того, что было между нами той ночью.

Их взгляды скрестились. В воздухе между ними словно молния промелькнула, и Каро стало трудно дышать. Жаркое притяжение росло с каждой секундой, становилось все напряженнее. Макс снова поднял руку и осторожно провел большим пальцем по нижней губе Каро.

Ее снова обожгло. По телу разлилось тепло, посылая по нервам крохотные искорки желания. Она хочет, хочет его, и в этом нет сомнения.

Расстроенная и встревоженная, Каро отступила, но, овладев собой, надменно подняла подбородок.

– Не волнуйся, – пробормотал Макс, слегка улыбнувшись. – Я не собираюсь насиловать тебя здесь и сейчас.

– Я бы посоветовала вам и не пытаться.

Однако ее предупреждение ничуть на него не подействовало. Макс, очевидно, не имел ни малейшего представления о весьма опасных искусствах, которыми она владела. До сих пор он видел в ней лишь целителя, талант, которым восхитился бы любой военный. Знай он некоторые мужские черты ее характера, вряд ли так уж стремился бы стать ее любовником, заявляя, что находит ее желанной.

Каро протянула руку:

– Пожалуйста, дайте мне нож.

Макс немного помедлил, удивленно пожал плечами, но все же подчинился, вытащив нож из кармана куртки.

– Позвольте показать, почему джентльмены находят меня чересчур устрашающей, – сладко улыбнулась Каро.

Повернувшись, она тщательно прицелилась в бочонок, служивший Максиму мишенью, после чего отвела руку и метнула нож. Лезвие, вибрируя, вонзилось в дерево дюймах в двух от центра.

– Не слишком метко, – вздохнула она. – Давно не тренировалась. Но уверяю, я могу и лучше. К сожалению, сейчас мне нужно выполнять задание капитана Биддика. Так что, если устанете бросать нож и захотите немного отвлечься, можете принести некоторую пользу, чиня паруса.

Довольная, что последнее слово осталось за ней, она повернулась к нему спиной. Но ей показалось, что она слышит тихий хриплый смешок, который еще долго будет ее преследовать.

Каро не слишком поверила в его признание. Он хочет стать ее любовником? Скорее всего просто пытается убить время и развлечься, обольстив ее, поскольку она единственная женщина на борту. А может, просто выполняет просьбу Торна, забавляя ее ничего не значащими признаниями во время долгого путешествия.

Не может она поверить и другому поразительному заявлению: оказывается, он одержим ею после их страстной ночи вместе! По ее мнению, Макса просто заворожила красота ночи. Воспоминания – причина тому, что он до сих пор испытывает к ней желание. Но эта его одержимость вряд ли продлится при более близком знакомстве.

И все же Каро жалела, что большая часть совместного путешествия еще впереди. Чем скорее они доберутся до острова, тем меньше ей придется в дальнейшем бывать в обществе Макса.

Ей не терпелось поскорее оказаться дома и узнать, нет ли каких известий от Изабеллы. Шхуна была куплена сэром Гавейном и славилась своей скоростью, поскольку имела специальную конструкцию и легко обгоняла другие суда. Но все же путешествие длилось куда дольше, чем хватало терпения у Каро.

Когда они обогнули Гибралтар и серый цвет Атлантики уступил приветливому синему сверканию Средиземного моря, Каро стало намного легче в знакомом теплом климате. И все же ее настроение оставалось мрачным. В ясные дни она могла различить очертания Берберийского побережья на южном горизонте, где Изабеллу скорее всего держали в плену.

Стоило подумать о Белле, затерявшейся в огромных просторах Аравии, как Каро приходила в отчаяние.

Как ни удивительно, но настроение Макса казалось еще хуже, чем у нее. К началу второй недели их совместного путешествия он уже бесконечно мерил шагами палубу. Иногда по ночам она видела, как он крадется по судну медленной, разъяренной походкой загнанного в клетку зверя. Его словно терзали темные демоны.

Она так расстраивалась за него, что как-то днем подошла ближе, когда он снова стоял у поручня.

– Буду рада прописать снотворное, – предложила она. – Если считаете, что это поможет. Он угрюмо уставился на нее.

– Что заставило вас посчитать, будто я нуждаюсь в снотворном?

– Может, ваше желание протереть подошвами дыры в палубе капитана Биддика? – улыбнулась она, но лицо его еще больше потемнело.

– Мне не нравятся последствия приема опия.

– Есть несколько трав, которые не вызывают таких кошмаров, как настойка опия.

– Не стоит пытаться излечить меня, ангел.

Его сухой тон задел Каро, и все же она не могла вот так просто уйти от страдающего человека.

– Вы плохо переносите плавание?

Макс колебался так долго, что она уже отчаялась получить ответ. Но тут он покачал головой:

– Нет, но это путешествие воскрешает воспоминания о том времени, когда я так безмятежно отправился на войну. Впрочем, транспортные корабли, перевозившие нас на Пиренейский полуостров, были куда менее роскошны, чем этот.

Каро думала, что он добавит что-то. Но Макс продолжал молчать.

– Ну... – Она положила руку на его рукав и ощутила, как напряглись мышцы. – Если я смогу чем-то помочь, только попросите.

Его губы шевельнулись, словно пытаясь удержать ответ.

– Все будет хорошо, – резко бросил он, отнимая руку.

Поняв, что он не желает продолжать разговор, Каро поспешно ушла. И все же не могла забыть тоскливого взгляда синих глаз. И невольно гадала, какие воспоминания стали причиной его мук.

...Взрыв... комья земли летят во все стороны... почти человеческий вопль издыхающей лошади... падение... удар о влажную землю... боль в груди... ранен?

Нужно пошевелиться... оцепенение... попытки подняться... впереди Филипп разворачивает коня... больно... трудно стоять...

Филипп возвращается... спрыгивает с седла...

– Филипп... убирайся отсюда... какого черта... спасайся...

Его мрачная улыбка...

– Ты спятил, если воображаешь, что я тебя оставлю... Рука тянется к нему... резкий треск выстрела... его голова... лицо... кровь...

Филипп опускается на колени.

Боже, Филипп, нет! Нет! Господи. Нет...

– Макс, проснитесь. Это всего лишь дурной сон.

Ее нежный голос. Легкое прикосновение руки ко лбу...

Макс очнулся весь в поту. Опять тот кошмар, вытесняющий воздух из легких...

Тяжело дыша, он с безумным видом огляделся, но кругом был сплошной мрак. И все же ритмичное покачивание судна заставило вспомнить, где он находится. В каюте. На борту шхуны.

Он снова лег, судорожно втягивая в себя воздух.

В последнее время кошмары посещали его чаще. И становились все страшнее. Больше походили на явь. Оставляли его обессиленным. Он всегда знал, чего ожидать, но ничего не мог поделать. Мог только пытаться побороть их.

Макс закрыл глаза и представил лицо Каро. Его ангел-хранитель. Только она может успокоить его нежным голосом и добрыми руками. Ее серые глаза, мягкие, светящиеся и понимающие...

Но даже она не сможет заставить его забыть вину.

Отбросив смятые одеяла, Макс свесил ноги на пол и сильно растер ладонями лицо. Он все еще ощущал острую боль, так отчетливо, словно все было вчера, а не пять лет назад. Тот момент обреченного мужества, когда ближайший друг вернулся, чтобы спасти Макса, и был убит на его глазах.

Господи... его по-прежнему трясет от этого видения.

Макс прерывисто вздохнул, мысленно упрекая себя в том, что не может лучше держать себя в руках. Нет, он не хотел забыть. Хотел только небольшой передышки от боли.

Днем он знал, как забыться. Находясь на суше, он часами скакал по лугам и полям, доводя себя до изнеможения в надежде, что сможет уснуть. Но сейчас у него не было лошади, а проклятое путешествие длится целую вечность. В Лондоне он отправился бы прямо в боксерский салон Джексона, чтобы выплеснуть горечь и досаду в физическом насилии, избивая противника голыми руками. Но на борту шхуны не с кем было сразиться, особенно в этот поздний час, когда почти вся команда мирно спала.

Поднявшись с койки, Макс прошел к тому месту, где лежала его одежда. Ему не нужен свет, чтобы найти нож. Порывшись в карманах куртки, он нашел кожаные ножны, защищавшие трехдюймовое стальное лезвие, вставленное в резную деревянную рукоятку.

Нож Филиппа. Филипп часто коротал бесконечные часы между сражениями, вырезая из дерева грубые фигурки людей, солдат, коней. Не столь изящные, как те игрушки, которыми они играли в детстве, но почему-то совсем как живые. Филипп никогда не расставался с ножом, даже в тот последний ужасный день. И Макс сохранил этот нож, чтобы никогда не забывать принесенную другом жертву.

За последние годы он приобрел странную привычку, помогавшую успокоить разгулявшиеся нервы, особенно когда одолевала бессонница. Ставил бочонок и метал нож – раз, другой, третий... Монотонные удары немного отвлекали его от мрачных мыслей.

Макс тихо оделся в темноте, вынул из ножен нож и пошел на верхнюю палубу, где так свободно дышалось.

Глава 4

Каро медленно пробудилась от беспокойного сна, гадая, что могло ее разбудить. Тихий стук закрывшейся двери? Почти бесшумные шаги в коридоре?

Она полежала, прислушиваясь к вою ветра в парусах, немного успокоенная обычным поскрипыванием и качкой. Острая боль, воскрешенная сном о Максе, все еще не утихла, и она никак не могла отделаться от ощущения чего-то неладного.

Встав с узкой койки, она ощупью поискала полусапожки, набросила плащ на ночную сорочку и выскользнула из каюты.

В коридоре и на лестнице, ведущей к палубе, было темно. Но в небе висел полумесяц, бросавший призрачный свет на шхуну и выбеливший надувшиеся на ветру паруса.

Каро остановилась, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полутьме, и услышала знакомый приглушенный стук справа. Повернувшись, она увидела на корме мужской силуэт. Она знала, кто там стоит. Потому что льнула к этим плечам в эротических снах всего несколькими минутами раньше. Все контуры его тела были ей знакомы: каждый изгиб, выпуклость, каждая мышца отпечатались в памяти год назад.

Услышав очередной глухой удар, она подвинулась ближе, словно влекомая неумолимой силой. И остановилась в тени понаблюдать за Максом. Но тот неожиданно опустил руку и резко повернулся в ее сторону, словно ощутив чье-то присутствие.

– Макс, это Каро, – предупредила она, не желая становиться его мишенью в случае, если он заподозрит в ней угрозу. Даже в тусклом свете она заметила, как сжались его пальцы на рукоятке ножа. – Я не хотела вас беспокоить, – добавила Каро. – Просто подумала: вдруг что-то неладно. Я уже ухожу...

– Останься.

Она почувствовала его пристальный взгляд, вбирающий в себя все: ее более чем простой наряд, волосы, разметавшиеся по плечам, – услышала его глубокий вздох.

– Я с удовольствием побуду в твоём обществе.

Каро замялась, глядя на нож. Макс вымученно улыбнулся:

– Поверь, я не опасен.

Так ли это? Сама Каро считала этого человека чрезвычайно опасным. И уж, во всяком случае, не стоит оставаться с ним наедине, особенно ночью. Да и судя по виду, он не нуждается ни в чьем обществе: лицо обросло темной щетиной, а волосы выглядели так, словно он то и дело их ерошил.

И все же он попросил ее остаться. И даже вежливо показал на бочонок, служивший мишенью:

– Не хотите присоединиться ко мне?

Каро пересекла палубу и неловко присела на бочонок. К ее удивлению, Макс немного отодвинулся, словно, в свою очередь, считал ее опасной. Однако голос его звучал достаточно дружелюбно:

– Итак, что выманило тебя из уютной теплой каюты и чудесной жесткой койки, милая?

Исполненная решимости не беседовать с ним на серьезные темы, Каро ответила в том же духе:

– Моя чудесная жесткая койка, разумеется. А вы? Опять бессонница? Но, Макс, с этим нужно что-то делать. Есть же медицинские средства...

Выражение его лица оставалось бесстрастным. Но она остро ощутила его подавленность.

– От такой бессонницы, как у меня, лекарства не бывает.

Каро нахмурилась, пытаясь понять, о чем он умалчивает, гадая, насколько серьезны его страдания. Увидев Макса в Лондоне, она посчитала, что он излечился: в конце концов, прошел

целый год. И все же его душевные раны оказались слишком глубоки, и если и зарубцевались, то лишь на поверхности, а страдания, хоть и уменьшились, все же продолжали мучить его. Она слышала, что иногда солдатам, вернувшимся с войны, требовались годы, чтобы прийти в себя.

Может, ей следует оставить его в покое?

Но с языка неожиданно сорвалось:

– Почему вы не спите, Макс? Не дают покоя военные воспоминания?

– Можно сказать и так, – тихо рассмеялся он. Но она услышала в этом смехе его гнев, досаду, раздражение. Сунув нож в карман, он повернулся и взгляделся в темное море. – Разве солдат сможет забыть все, что видел?

Вряд ли ей удастся хотя бы представить, что он видел. Ужасы, которые не в силах ни понять, ни принять душа.

У нее сжалось сердце от жалости к нему, совсем как год назад. Поразительная, почти божественная красота его лица тоже напоминала о той ночи.

– Жаль, что я не могу помочь, – тихо пробормотала она. Он повернулся к ней и покачал головой:

– Ты помогла, ангел. Больше, чем представляешь. Та ночь в развалинах... – Он прерывисто вздохнул, но не отвел глаз. – Весь последний, мучительный год я жил только воспоминаниями о тебе. Если бы не ты, вряд ли я смог бы выжить.

Каро непонимающе уставилась на него широко раскрытыми глазами.

Макс грустно усмехнулся:

– Это правда. Ты дала мне силы идти в бой. И я нисколько не сомневаюсь, что вернулся живым только благодаря тебе.

Что же, может, отчасти она и смогла восстановить силу его духа. Макс попал в настоящий ад, а она, хоть и на короткое время, заставила его забыть всех демонов. Но все же трудно поверить, будто именно она спасла ему жизнь.

Однако он, похоже, ничуть не шутил.

– С той ночи я стал думать о тебе как о своем ангеле-хранителе.

Потрясенная его Откровениями, она молча смотрела на него, не зная, что и думать. В голове мелькали бессвязные обрывки мыслей.

Макс назвал ее ангелом-хранителем. Но не знал, что она и есть настоящий «хранитель». Все же его признание окончательно опрокинуло все ее защитные барьеры. Как соблазнительно слышать, что она так много значит для него! Что занимает столь важное место в его жизни!

И в этот момент под пристальным взглядом Макса желание вновь захлестнуло ее, такое внезапное и острое, что она испугалась. Однако сейчас его чувства были куда важнее ее собственных. Может, если удастся разговорить Макса, выслушать кошмар воспоминаний, его бремя станет легче.

Немного подумав, она тихо спросила:

– Это было так ужасно? То, что тебе пришлось вынести?

И по его лицу поняла, что попала в самую точку. Мириады эмоций сменились на его лице всего за несколько ударов сердца: отчаяние, одиночество, тоска и мука, от которой разрывалось сердце...

– Есть один кошмар, который постоянно преследует меня, – хрипло признался он.

– Какой кошмар?

– Мой лучший друг...

Он осекся и закрыл глаза. Невыносимо видеть его таким! Каро жаждала прогнать злое тень!

– Я хочу помочь, – повторила она.

Он стиснул кулаки, явно пытаясь взять себя в руки.

– Ты ничего не сможешь сделать. А что, если сможет?

Каро молча сидела, борясь с обуревавшими ее чувствами: желанием, сочувствием, отчаянной потребностью утешить его.

Потом медленно поднялась и подошла к нему, зная, что сделает все на свете, лишь бы прогнать мрак, заставший его глаза. Протянув руку, она положила ладонь на пылавшую жаром щеку Макса.

– Каро... – резко предупредил он. Теперь он смотрел на нее с мольбой и отчаянным голодом, до боли сжимая ее плечи, и все же сдерживался из последних сил. Он боролся с собой.

Он разжал руки, скользнул ладонями по ее шее, затылку... пальцы почти грубо погрузились в шелковистые локоны. Глядя в ее запрокинутое, освещенное лунным светом лицо, Макс боролся с поистине дикарскими, примитивными инстинктами. Он страстно хотел и добивался одного – взять то, что предлагала Каро, и все же не доверял себе: сейчас он чересчур уязвим, чересчур открыт. Если он позволит своим губам изведать вкус ее рта, значит, не остановится, пока не войдет в ее лоно и не останется там до тех пор, пока они оба не достигнут экстаза. Он подхватит ее на руки, отнесет в каюту, где остаток ночи будет тешить свое плотское желание.

Макс стиснул зубы, пытаясь сдержаться. Если капитуляция Каро – все, что ему нужно, значит, его ждет победа. Он распознал в ее глазах блеск желания, безошибочное стремление изведать его ласки. Она принадлежит ему, и он возьмет ее!

Но он хотел большего, чем простое обольщение. Большого, чем ее участие. Он хотел страсти, полной и беззаветной. Не только утешения, как в тот раз, когда она пыталась исцелить его.

И поэтому нечеловеческим усилием воли противился порыву взять ее прямо сейчас.

– Тебе пора идти, – сухо процедил он и схватил ее за плечи, чтобы оттолкнуть от себя.

Смущенная, Каро продолжала смотреть на него во все глаза. Макс поспешно отошел.

– Мне твое утешение ни к чему, милая, – хмуро пробормотал он. – Я в нем не нуждаюсь.

Про себя Каро подумала, что последнее утверждение весьма спорно, но промолчала, разрывающаяся одновременно злостью и унижением. Как он мог двумя небрежными словами отделаться от нее! Но она не собирается стоять здесь и спорить с ним!

– Прекрасно. Оставляю вас в вашем же блистательно остроумном обществе.

Гордо выпрямившись, она повернулась и направилась к трапу через всю палубу. К тому времени, как Каро одолела темный коридор и добралась до своей каюты, ее трясло от ярости к себе самой! Она снова фактически вешалась Максиму на шею! Опять! И на этот раз он отверг ее в самых недвусмысленных выражениях!

Каро бросилась на койку лицом вниз, проклиная и его, и себя, бешено колотя кулаками подушку. Как она могла вести себя подобно безмозглой дурочке?

Она рада, рада, что Максиму ни к чему ее утешение! Рада, что не сделала той же идиотской ошибки, что и год назад! Не отдала ему свое тело в попытке исцелить душу! Следовало усвоить урок в первый раз!

Но отныне она грубо раздавит все мягкие женственные чувства, которые когда-либо испытывала к Максиму. Каждую унцию сострадания. Каждый намек на желание. Каждую частичку сладострастия.

Безжалостно.

Она во что бы то ни стало победит свое проклятое влечение к нему.

Макс стоял у поручня в сверкающем свете солнца, вспоминая несчастную встречу с Каро прошлой ночью. Несмотря на резкость, с которой он прогнал ее вчера, его намерения по крайней мере были благородны. Было бы нечестно воспользоваться ее сочувствием к раненым созданиям. Он хотел ее больше, чем следующий глоток воздуха, – только не на этих условиях.

Кроме того, он не желал, чтобы она старалась проникнуть в его тайны. Не желал, чтобы она знала, сколько ночей он просыпался в холодном поту, борясь с когтистой лапой, сжимав-

шей горло и не дававшей дышать, дрожа от воспоминаний о гибели Филиппа. А прошлой ночью Макс, к сожалению, сказал слишком много. Открыл свою душу.

И все же вкус нежности Каро изгнал, хоть и ненадолго, ледяной озноб, завладевший им. И это не впервые. С той ночи любви в развалинах он ощущал между ними невидимую связь. Она была его ангелом-хранителем, любящим духом, который стоял за его плечом, заботился, защищал и спасал.

Он потерял счет ночам, когда она уговаривала и успокаивала его. Иногда просто звала по имени, пробуждая от кошмара. Иногда пела колыбельную, убаюкивая его. Иногда он даже вел с ней длинные воображаемые беседы.

Он всегда представлял ее прекрасный образ и долго мечтал перед сном...

В последний год войны он, наверное, сошел бы с ума, если бы не она.

Возможно, он до сих пор немного безумен, если не может забыть случившееся в сражении при Талавере. Не может простить себя.

Как можно жить в мире с собой, когда твой лучший друг отдал свою жизнь ради тебя?

Макс задумчиво смотрел на переливающиеся золотистые отблески солнца в голубой воде. Если бы не он, Филипп вообще не пошел бы в армию. Филипп Херст был наследником графского титула, а старшие сыновья аристократов не должны становиться пушечным мясом. Но он без всяких уговоров последовал за Максом.

Тогда они оба были такими наивными идеалистами! Отплыли на Пиренейский полуостров, смеясь и споря, кто больше прикончит лягушатников! К сожалению, оба довольно скоро познали страшную реальность войны.

Макс стиснул зубы. Недаром он отказывался говорить о гибели друга с кем бы то ни было. Даже сейчас не мог заставить себя обнажить свою скорбь, свою вину. Даже перед Каро. Но зато мог бы более мягко попроситься с ней вчера ночью. Потому что страстно нуждался в ее утешении. Хотел его. В каждом ее прикосновении было нечто необычайно целительное. Но еще больше он жаждал ее страсти.

Прищурившись от ослепительно яркого света, Макс повернулся и оперся спиной о поручень. Он хотел увидеть Каро в тот момент, когда она поднимется на палубу. Потому что желал ее. Желал страстно. Огонь, зажженный ими в руинах, все еще полыхал между ними, и доказательством служило единственное прикосновение к ней. Но после вчерашней ночи ему придется убедить Каро в своем желании.

Вчера он намеренно отпугнул ее, но сейчас намеревался исправить ошибку. Дать ей ясно понять, что тоска и скорбь о погибшем друге не имеют ничего общего с его чувствами к ней.

Она увидела Макса, как только поднялась на палубу, и чуть не споткнулась, густо покраснев при мысли о собственном бесстыдстве прошлой ночью. Даже после беспокойного сна сердце все еще жгло при воспоминании о том, как он ее отверг.

Когда он шагнул ей навстречу, она расправила плечи и гордо вскинула голову. Его черные волосы растрепало ветром, и один локон упал на лоб. Так он казался моложе и чуточку уязвимее.

Не успела она раскрыть рот, как Макс предупреждающе поднял руку:

– Я должен извиниться, ангел. Знаю, вчера ночью ты всего лишь хотела помочь.

– Т-гак и есть, – настороженно пробормотала она.

– Я не люблю говорить о своих кошмарах.

– Я так и поняла, – сухо бросила Каро. – Но не стоит бояться, что я повторю свою ошибку.

Я больше не попытаюсь утешить вас.

– Поверь, я буду невероятно сожалеть об этом. Прошлой ночью мне страстно хотелось поцеловать тебя, и не только. Просто я знал, что стоит начать, и я не смогу остановиться.

Судя по пристальному мрачному взгляду, он говорил правду.

– Ну... теперь это вряд ли что-то значит, – пожала плечами Каро.

– Значит, и очень много, – возразил Макс и, подойдя ближе, накрыл ладонью ее затылок и припал к губам. Поцелуй был жестким, чувственным, исступленным... намеренно возбуждающим.

Каро, охнув от изумления, так растерялась, что и не думала сопротивляться. Как может единственный поцелуй сотворить с ней такое – отозваться в каждой клеточке тела, наполняя его пьянящими волнами ощущений? Все ее чувства мгновенно возродились к жизни, а опаляющий жар вспыхнул внутри, собравшись огненным озером внизу живота.

Но поцелуй показался ей слишком коротким. Макс так же резко освободил ее и отступил. Каро продолжала стоять, ошеломленная, лишившись дара речи, ежась под его бесцеремонным взглядом. Должно быть, увиденное ему понравилось, потому что синие глубины глаз зажглись чисто мужским удовлетворением.

– Я так и думал, – хрипло пробормотал Макс. – Ты больше не сможешь изображать безразличие. Так же, как и я.

Каро, подняв подбородок, пронзила его негодующим взглядом.

– Какого черта вы целуете меня на открытой палубе, где любой из команды может нас увидеть?

– В следующий раз я постараюсь найти более уединенное место.

– Следующего раза не будет!

– Конечно, будет. Ты только что доказала мою правоту.

– Какую еще правоту?

– Я хочу тебя, милый ангел. И ты хочешь меня так же сильно.

Каро пришлось признать, про себя, разумеется, что это чистая правда. Она хотела его – безумно. Но не доставит Максудовольствия, подтвердив это.

Проклинающая свою пылкую натуру, она глубоко вздохнула и порылась в кармане. А когда вынула острый четырехдюймовый стальной клинок и показала Максуду, тот зловеще прищурился.

– Как видите, – объявила она, – у меня есть свой нож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.